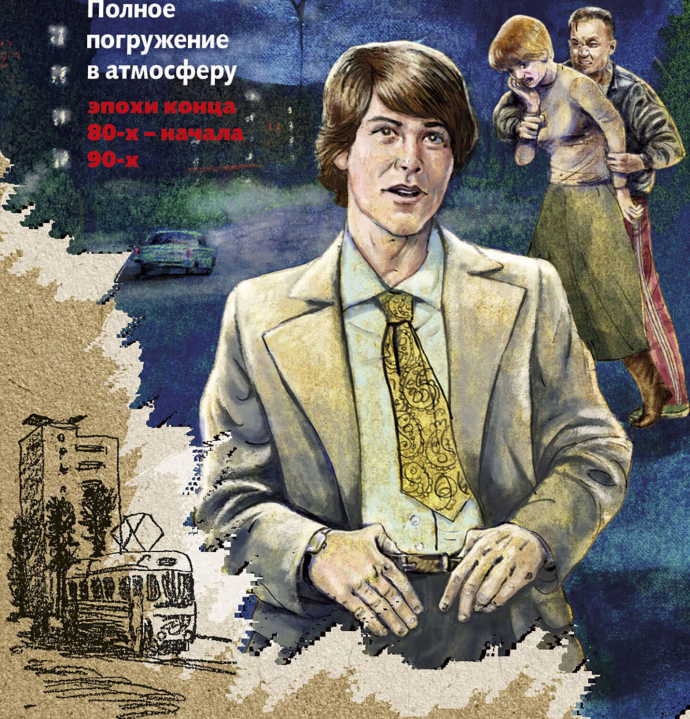

Афера Н ДЕТЕКТИВ-НОСТАЛЬГИЯ ДЛЯ СВОИХ

Полное
погружение
в атмосферу

эпохи конца
80-х – начала
90-х

Геннадий СОРОКИН

Геннадий Геннадьевич Сорокин
Афера для своих
Серия «Андрей Лаптев», книга 9
Серия «Детектив-ностальгия»

Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65716053
Афера для своих: Эксмо; Москва; 2021
ISBN 978-5-04-118321-9

Аннотация

Начало эпохи Новой России. В областном сибирском центре устанавливаются рыночные правила жизни – растет инфляция, закрываются предприятия, появляются крупные коммерческие фирмы. Одну из них, обманув родных, прибрал к рукам молодой бизнесмен Сергей Козодоев. Его мать, понимая, что сын повел игру на выживание, решает расправиться с ним. Она разрабатывает хитроумную комбинацию, а в качестве сообщника привлекает человека, который на первый взгляд меньше других подходит для такого коварного плана...

Ностальгия по временам, уже успевшим стать историей. Автор, бывший сотрудник милиции, настолько реально описывает атмосферу советской эпохи: одежду, музыку, отдых, нравы, – что веришь ему сразу и безоговорочно.

Содержание

1	5
2	14
3	23
4	36
5	49
6	57
7	71
8	85
9	94
10	102
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Геннадий Геннадьевич Сорокин Афера для своих

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Сорокин Г. Г., 2021

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2021

1

В декабре 1992 года Председатель Верховного Совета Российской Федерации Руслан Имранович Хасбулатов совершал поездку по Сибири. После посещения Новосибирска он прибыл в соседнюю область. В аэропорту его встречали глава администрации области, представители профсоюзов и политических партий левой направленности. Произнеся краткую приветственную речь, Хасбулатов поехал в гостиницу отдохнуть с дороги, а начальник его личной охраны и референт решили осмотреть областной театр оперетты, где в субботу, 19 декабря, должна была состояться встреча Руслана Имрановича с областными чиновниками и представителями трудовых коллективов промышленных предприятий области.

Перед выступлением высокого московского гостя сотрудники милиции проверили театр оперетты несколько раз, даже служебно-разыскную собаку, натасканную на поиск взрывчатки, в зрительный зал выпустили. Собака-ищейка была умная, но голодная. Пробежав по залу, она почувствовала запах мышей, живших под сценой, и сосредоточилась на поиске щели в углу у лестницы. Внимательно наблюдавший за ее действиями кинолог сделал вывод, что взрывчатки в зале нет, и увез собаку в питомник.

Начальник охраны Хасбулатова местной милиции не до-

верял. С непроницаемым выражением лица он выслушал доклад о готовности здания к выступлению спикера парламента и стал лично обходить складские и служебные помещения. За ним следом, как нитка за иголкой, потянулись несколько человек в камуфляжной форме с пистолетами. Стечкина на боку, референт в модной итальянской дубленке и два представителя правоохранительных органов принимающей стороны. От МВД парламентскую делегацию должен был сопровождать заместитель начальника областной милиции, но он сказался больным и отправил вместо себя Романа Георгиевича Самойлова, исполняющего обязанности начальника УВД областного центра. Вторым местным силовиком был подполковник Министерства безопасности России Цветков.

Закончив осмотр, начальник охраны спустился в фойе и сообщил местным силовикам результаты проверки:

– В здании все подготовлено, замечаний нет. Внутри театра до утра останется наша охрана. Никого посторонних в театре быть не должно. В восемь утра я проведу повторный осмотр, и тогда начнем подготовку к визиту Руслана Имрановича.

Не попрощавшись, главный телохранитель спикера уехал. Референт и несколько мужчин в камуфляже остались в фойе.

– Вы можете быть свободны, – сообщил референт Самойлову и Цветкову. – У нас это не первое выступление. Ребята знают, как действовать.

Роман Георгиевич и чекист вышли из театра. Цветков

сел в поджидавшую его «Волгу» и укатил на площадь Советов. Самойлов остался на крыльце. Закурил, посмотрел на крышу жилого дома сталинской постройки напротив театра, усмехнулся.

«Какой добросовестный начальник охраны у Хасбулатова! Во все закоулки в театре заглянул, гримерки актеров проверил, а крышами и чердаками в зданиях напротив театра даже не поинтересовался. Завтра московский гость помпезно подъедет к парадному входу, отщипнет кусочек хлеба от каравая, макнет в солонку. Минут пять он, не прикрытый телохранителями, будет стоять спиной к проспекту. Притаившийся на крыше снайпер снимет его с первого выстрела. Спрашивается, к чему вся эта показуха, если потенциально опасные точки никто не проверял, люки на чердак не печатавал?»

– Роман Георгиевич, – к Самойлову подошел командир батальона патрульно-постовой службы Стародумов, – как посты расставлять будем?

– Сними с маршрута два экипажа. Первый автомобиль поставим у служебного входа, второй – вот тут, на площади перед театром.

– Э нет, так не пойдет! – вмешался в разговор референт, неожиданно появившийся рядом с милиционерами. – Автомобиль патрульно-постовой службы поставьте между зданием театра и жилым домом. На прилегающей к театру площади автомобиль ставить нельзя, это плохо скажется на имидже

Руслана Имрановича. Получится, что мы боимся кого-то, а нам в своей родной стране некого опасаться.

Самойлову захотелось сказать: «Это ты метко подметил, дружище! Твоему боссу в Сибири ничего не угрожает. У нас его никто всерьез не воспринимает. Это в Москве он – фигура, а у нас – болтун из телевизора, пустомеля, заезжий мужичок с ротой охраны из земляков и родственников».

– Вы поняли, как посты расставить? – переспросил референт.

Роман Георгиевич молча кивнул и поехал в управление.

В 22.00 патрульные автомобили заняли посты у театра оперетты, охранники Хасбулатова закрылись в здании изнутри.

В два часа ночи у театра оперетты появился Валерий Оленев, оперуполномоченный шестого отдела¹ городского УВД. Валерий возвращался с веселой пирушки, был в хорошем настроении и слегка пьян. Проходя мимо театра оперетты, он ощутил жгучее желание оповестить мир о своем прекрасном настроении и о девушке Тане, согласившейся встретиться с ним в более интимной обстановке, чем переполненная гостями квартира друзей Оленева. Кричать на улице ночью было неприлично, но чувства рвались наружу, и надо было что-то делать. Но что? Валера хлопнул себя по груди, улыбнулся. Решение найдено! Из наплечной кобуры он достал служеб-

¹ В 1993 году шестые отделы преобразуют в региональные управления по борьбе с организованной преступностью – РУБОП.

ный пистолет, с которым не расставался уже год, уверенным движением передернул затвор, выстрелил в воздух и тут же оказался в свете фар притаившегося в тени патрульного «уазика».

– Что за черт! – пробормотал Оленев, пряча пистолет в наплечную кобуру. – Здесь же не должно быть поста.

– Ты рехнулся? – спросил подбежавший к Валерию командир взвода ППС. – Ты другого места стрелять не нашел?

– А что случилось-то? – не понял Оленев. – Подумаешь, один раз пальнул.

Парадные двери театра распахнулись, и на крыльцо выскочили двое мужчин в камуфляже с пистолетами в руках.

– Эй! – закричали они. – Что случилось? Кто стрелял?

– Мама дорогая! – изумился Оленев при виде охранников Хасбулатова. – Это кто такие?

– Заткнись, сволочь! – прошипел командир взвода, повернулся к крыльцу и громко сказал: – Никто не стрелял. Машина мимо проезжала, у нее колесо лопнуло.

– Э, какое колесо? Ты нас, наверное, за дурачков считаешь? – закричали охранники. – Ты что, думаешь, что мы звук выстрела от колеса не отличим? Это кто такой рядом с тобой стоит? Террорист? Его из Москвы прислали? Отвечай сейчас же, или мы подмогу вызовем, весь город на уши поставим!

Командир взвода ничего не успел ответить. Со стороны площади Советов на пяточок перед театром оперетты влетел «уазик» командира батальона ППС. С первого взгляда оце-

нив обстановку, Стародумов принял единственно правильное решение – сгреб Оленева в охапку и увез в городское УВД, под защиту родных стен. Охранники Хасбулатова повозмущались еще немного и закрылись в здании. По телефону они доложили о происшествии начальнику охраны, тот выехал из гостиницы на место происшествия, прошелся вокруг здания и уехал назад. Разбуженный среди ночи Хасбулатов выслушал доклад начальника охраны, подумал и сделал вывод:

– Это люди Ельцина нас провоцируют на ответные действия. Мы на мелкие провокации поддаваться не будем, сделаем вид, что ничего не произошло. Ельцин должен понять, что в Сибири народ за нас, за Верховный Совет, а не за него, узурпатора.

На рассвете командир взвода нашел на обочине дороги отстрелянную гильзу и зашвырнул ее через дорогу в сугроб. Оставлять вещественное доказательство при себе он не рискнул – вдруг чекисты нагрянут, обыск учинят, объясняясь потом, откуда гильза в кармане взялась.

Дежурный по городскому УВД, узнав о происшествии, вызвал начальника управления. Приехав на работу, Роман Георгиевич устроил Оленеву грандиозную выволочку.

– Ты специально у театра оперетты пострелять решил? – кричал он на поникшего оперуполномоченного. – Скажи спасибо, что охрана Хасбулатова по тебе огонь не открыла. Изрешетили бы тебя, как дуршлаг, и доложили бы Руслану

Имрановичу, что уничтожили опасного террориста.

– Я не знал, что к нам Хасбулатов приехал, – оправдывался Оленев. – Честное слово, не знал.

– Признавайся, зачем ты стрелял? – потребовал Самойлов. – Покуражиться решил, смелость свою показать?

– Роман Георгиевич, – взмолился Оленев, – я не виноват! Я же не знал, что к нам московская делегация приехала. Шел мимо и выстрелил... от избытка чувств. Я с такой девушкой познакомился, что мне хотелось всему свету рассказать, какая она классная.

Самойлов разом успокоился и повеселел. Чужая глупость иногда настраивает на миролюбивый лад.

– Как мне тебя наказать? – спросил он Оленева. – Выбери: выговор или строгий выговор?

– Выговор, конечно, – пробормотал оперуполномоченный. – За один-единственный выстрел в воздух строгий выговор – это много. Да и не хотел я на неприятности нарываться. Просто так получилось: он приехал, я пришел, и мы столкнулись там, где не надо. Сидел бы он в своей Москве, пререкался с президентом, над депутатами прикалывался. Они каждый день по телевизору такую чушь несут, что непонятно, откуда репортаж ведут: из парламента или психбольницы.

– Не твое дело народных избранников критиковать, – засмеялся Самойлов. – Тем более что ты им – брат родной. Они в словоблудии соревнуются, ты – перед театром оперет-

ты стреляешь. Интересно, если бы ты пальнул перед зданием Верховного Совета, они бы твою шутку оценили или упекли бы тебя на лесоповал лет на десять?

Роман Георгиевич нажал кнопку прямой связи с дежурной частью, вызвал начальника смены.

Старший оперативный дежурный появился так быстро, словно ожидал вызова за дверью, а не двумя этажами ниже.

– Сергей Дмитриевич, – обратился к нему Самойлов, – оперуполномоченный Оленев вчера пренебрег правилами безопасности при чистке оружия в оружейной комнате и допустил случайный выстрел. Не дожидаясь утра, подготовьте рапорт о происшествии, поищите гильзу. Я думаю, она под стеллажи с оружием закатилась.

– Все сделаем, Роман Георгиевич! – заверил дежурный.

– Оленев, – продолжил Самойлов, – иди в дежурную часть, напиши объяснение об утрате патрона и до утра оставайся в управлении. Мало ли что может случиться!

В дежурной части Сергей Дмитриевич отобрал пистолет у Оленева, выстрелил из него в пулеуловитель, подобрал с пола пустую гильзу и приобщил ее к рапорту. На место отстрелянного боеприпаса вложил свой неучтенный патрон. Утром Самойлов ознакомился с рапортом дежурного и наложил на него резолюцию: «В приказ по личному составу. За проявленную халатность при обращении со служебным оружием Оленеву – выговор».

На этом забавное ночное происшествие закончилось, не

причинив нікому особого вреда. Последствия необдуманного поступка Оленева наступят через місяць, в январі.

2

В связи с приездом московской делегации суббота была объявлена в городском УВД рабочим днем, но работать в свой законный выходной день никто из сотрудников милиции не собирался. Сразу же после развода оперативники и следователи собрались в кабинете Воронова – обсудить ночные приключения Оленева.

– Повезло тебе, Валера, – высказал общее мнение Владимир Бериев. – Роман Георгиевич пока пребывает в благодушном настроении. В январе его утвердят в должности, и он начнет гайки закручивать, за каждый патрон отчет требовать.

– Мужики, пива ни у кого нет? – жалобно простонал Оленев. – Колосники горят, спасу нет. Вчера ночью все нормально было, а сегодня с утра сушняк душит.

– Ты, хасбулатовский стрелок, о спиртном даже не думай! – сказал Ефремов. – Начнутся разборки, дернут на ковер, а от тебя перегаром за версту нести будет. Чтобы в норму прийти, попей крепкого горячего чая. Крепкий сладкий чай – лучшее средство от алкогольного отравления.

– Я выпил-то вчера совсем ничего, так, за компанию пару рюмок пропустил, а сегодня трясет всего и ломает, как алкоголика. Это все стресс, а его чаем не снимешь! – объяснил свое состояние Оленев. – Глоток пива сделаю, хуже не будет.

– По этой дороге Хасбулатов на завод «Строймаш» поедет? – перебил страждущего товарища оперуполномоченный Киселев. – Между институтом и швейным училищем проспект как на ладони.

Мужики заинтересовались, подошли к окну.

– Если из гранатомета шарахнуть, как раз в его машину попадешь, – со знанием дела сказал Бериев.

– Ты что, с катушек съехал? – набросился на него Никифоров. – Как ты из гранатомета в закрытом помещении стрелять будешь? Куда у тебя струя от ракеты пойдет? В стену за твоей спиной?

– Что ты мне прописные истины талдычишь? – набылчился Бериев. – Я в армии из гранатомета стрелял и знаю, какая у него струя и в какую сторону она пойдет. Перед тем как стрелять, надо окно и дверь открыть, тогда никаких помех не будет.

– Из РПГ в лимузин не попадешь, – оценив расстояние до проспекта, сказал Ефремов. – Перед проездом кортежа Хасбулатова проспект перекроют. Его автомобиль будет мчаться на скорости километров сто, не меньше. Ты даже прицелиться не успеешь.

– Наводчика надо на улицу послать, – предложил кто-то из оперов, – он отмашку даст, и можно будет на опережение стрелять.

У окна начался спор: можно ли попасть из гранатомета в автомобиль, если он появится между домами всего на пару

секунд? Большинство спорщиков склонялось к мнению, что по движущейся мишени прицельно не выстрелить.

«Знал бы Хасбулатов, какие вопросы в городской милиции обсуждают, – подумал Лаптев. – Вот бы он подивился! А еще забавнее было бы, если бы сейчас с гранатометом в руках вошел Самойлов и сказал, что надо шарахнуть по автомобилю Хасбулатова. Все бы сразу же нашли сто причин, лишь бы стрелять не заставили. Бериев первым бы сказал, что РПГ в первый раз в глаза видит и не представляет, с какой стороны в него гранату вставляют».

Дверь в кабинет распахнулась, и вошел замполит управления, но без гранатомета, с ежедневником под мышкой.

– Вот вы где все собрались! – весело сказал он. – И ты, герой дня, тоже здесь? Как головка-то, не побаливает? Руки с перепоя не трясутся?

– Ничего у меня не болит, – пробурчал в ответ Оленев.

– Александр Евгеньевич, – Ефремов встал, прикрыв собой Оленева, – ответьте мне на один животрепещущий вопрос: в честь чего сегодня рабочий день объявили?

– Ты разве не знаешь? – «удивился» замполит. – К нам с рабочим визитом Хасбулатов приехал.

– Вот и я про то! К нам приехал председатель парламента, а мы сидим на работе, словно он не государственный деятель, а глава бандитской шайки. Чего мы от его визита ждем? Погромов, что ли? Я понимаю, когда на праздник усиление объявляют. В праздник люди пьют, воруют, режут друг дру-

га, но приезд Хасбулатова не праздник. Рюмку за его здоровье никто не поднимет, так чего мы ждем?

– Не занимайся демагогией! – одернул Ефремова замполит. – Не мне и не тебе решать, когда и по какому поводу объявлять усиление.

– Во сколько Хасбулатов в театре оперетты выступление закончит? – спросил Лаптев.

Замполит обрадовался перемене разговора и пояснил:

– В час дня Руслан Имранович закончит встречу с активом области и поедет на завод «Строймаш». Там он встретится с коллективом предприятия, пообедает в ресторане «Сибирь» и вылетит в Томск. Часов в пять он должен быть в аэропорту.

– У нас же нет прямого рейса до Томска? – не подумав, спросил стажер Тягур. – На чем он полетит?

– Володя, ты, ей-богу, как дитя малое! – засмеялись мужики. – У Хасбулатова собственный самолет «Ту-154», а ты его захотел на регулярном рейсе отправить?

– До особого распоряжения всем быть на месте, – напомнил замполит и вышел.

– Наш Руслан Имранович как царь путешествует, – посмотрев вслед замполиту, сказал Бериев. – У Николая II собственный поезд был, у Хасбулатова – самолет.

– О, про царя! – восторгнулся Воронов. – Расскажу вам почтенный случай, который в один миг изменил мое отношение к Николаю II.

Мужики замолкли, расселись кто куда. Воронов был отменный рассказчик, и истории с ним приключались – заслушаешься. Одна байка об отмене собственной свадьбы чего стоила!

– В прошлом году, – начал Воронов, – в мае, пришла разнарядка – отправить одного следователя на курсы повышения квалификации в Свердловский юридический институт. Коллеги как узнали об учебе, так тут же каждый нашел сто причин, лишь бы не ехать. У всех, как по команде, жены заболели, дети захворали, престарелым родителям некому помочь картошку высаживать. Я тоже решил отмазаться и говорю: «Меня на учебу отправлять смысла нет. Я только в прошлом году диплом получил и еще ничего забыть не успел». Самойлов выслушал всех и отправил на учебу меня. Говорит: «У тебя детей нет, картошку сажать не надо, так что ты – наш единственный кандидат». Делать нечего – я взял под козырек, сложил вещи в сумку и поехал на Урал. В институте я пару раз сходил на занятия, понял, что ничему они меня не научат, и стал целыми днями слоняться по городу. Если кто не был в Свердловске, то в двух словах опишу его: огромный красивый город, основной вид транспорта – трамваи. Итак, погожим весенним деньком занес меня черт на улицу Свердлова. Иду, смотрю – на обочине площадка выровнена, огромный деревянный крест стоит, хоругви висят, стенды с книгами и иконами выставлены, а напротив них, на пятиэтажном доме, по всему фронтому растяжка «Слава

ленинской политике международных отношений!». Я в задумчивости вытащил сигарету из пачки и зашел на эту площадку. На ней – никого, только около креста сидят пять здоровенных бородатых мужиков в косоворотках и сапогах. На одном из них форма не то железнодорожника, не то казака, но с двуглавым орлом вместо кокарды. На специальной подставке стоит двухкассетный магнитофон, из которого доносится заунывная музыка. Я подошел к стенду, читаю: «На этом месте был Ипатьевский дом». Дальше я ничего прочитать не успел. Ко мне сзади подошел мужик в форме и говорит: «Не курите на месте гибели императора!» Я показал ему незажженную сигарету: «Я не курю!» Мужик этот оскалился и как забасит: «Не кощунствуйте на святом месте!» Краем глаза я вижу, что остальные бородачи смотрят в нашу сторону и кулаки потирают – приготовились меня уму-разуму учить. Я не стал спорить и ушел. Напомню вам – был май 1991 года. Советская власть еще не рухнула, а монархисты уже воспряли и хотели мне ни за что ни про что все косточки переломать. А я-то им, бородачам, ничего плохого не сделал и память императора не оскорблял. Теперь суть! Не успел я перейти на другую сторону дороги, как мое отношение к монархии кардинально изменилось. Если до встречи с монархистами я относился к Николаю II нейтрально, то тут я стал презирать его и всех его последователей в косоворотках. Прошло больше года, но я своего мнения не изменил и не изменю никогда и ни за что! Скажу больше: если завтра

портрет Николая II установят в фойе и заставят при входе кланяться ему в пояс...

Закончить Воронов не успел. Дверь кабинета распахнулась, и вновь вошел замполит.

– О, коллеги, вы еще не разошлись! – сказал он. – Тем лучше – не надо будет по кабинетам ходить, каждому объявлять. Коллеги, к концу следующей недели надо будет сдать по десять рублей на издание книги «История Дома Романовых».

– Ворон, – завопили мужики, – накаркал, сволочь! Кто тебя заставлял про царя рассказывать? Про женщин, что ли, тем мало?

– Ничего не понимаю, – озадачился замполит. – При чем тут Воронов? Что случилось-то?

– Александр Евгеньевич, – как школьник на уроке, поднял руку Бериев. – Воронов говорит, что после Нового года в фойе УВД портрет Дзержинского снимут и на его место установят ростовой портрет Николая II. И еще он говорит, что при входе в здание надо будет портрету императора честь отдавать, как высшему военачальнику.

– Я такой новости не слышал, но если портрет царя установят, то не удивлюсь, – сказал замполит. – Нынче императорская атрибутика в большом уважении, того и гляди кокарды со звездочками на двуглавых орлов поменяют.

Из-за стола поднялся Ефремов, вышел на середину кабинета.

– Александр Евгеньевич, позвольте мне задать один вопрос.

Замполит почувствовал ловушку, но отказаться отвечать на вопрос он не мог – должность не позволяла.

– Сколько я себя помню, – продолжил Ефремов, – в школе, в вузе мне ежедневно внушали, что Николай II – это кровавый тиран. По его приказу 9 января 1905 года расстреляли мирную демонстрацию рабочих. У нас в городе есть улица «1905 года» и есть улица «9 января». Что же получается? После запрета КПСС Николай II перестал быть Николаем Кровавым, но улица «9 января» осталась. Это же двоемыслие какое-то. Невозможно одновременно одного и того же человека считать благодетелем общества и безжалостным убийцей ни в чем не повинных людей.

– Ну что же, отвечу по порядку, – замполит одним пальцем поправил очки, переложил ежедневник под другую руку. – Победители всегда переписывают историю. В августе 1991 года к власти пришли капиталисты, для которых Николай II – прогрессивный государственный деятель, коварно убитый уральскими чекистами. Вполне естественно, что капиталисты будут возвеличивать своих кумиров и всячески поносить политических оппонентов, их идеологию и символы. Теперь о названиях улиц. Нет никакого смысла менять таблички на домах. Пройдет двадцать лет, и все забудут, какие события происходили 9 января 1905 года.

– Я не забуду, – заверил Ефремов. – Через двадцать лет я

еще в старческий маразм не впаду.

– Согласен. Ты не забудешь, я буду помнить, а наши дети и внуки уже будут смутно представлять, что означает эта дата. Не верите? Сейчас докажу. В первые годы советской власти День Парижской коммуны был государственным праздником, выходным днем. Когда отмечался День Парижской коммуны, кто-нибудь знает?

– Я знаю, – поднял руку Тягур. – У меня 18 марта день рождения.

– То-то! – подвел итог замполит. – Пришла новая власть, нечего возмущаться, что за наш счет книжки о царях будут издавать.

Примерно через час все разошлись. В кабинете остались только Воронов и Ефремов.

– Ворон, – сказал Ефремов, – мне надо с тобой поговорить по одному щекотливому делу. Приходи завтра в гости. Бутылочку разопьем, о жизни потолкуем.

– Лады! Часам к двенадцати приду.

Римма Витальевна Козодоева позвонила Ефремову 10 декабря, в четверг.

– Игорь Павлович, нам надо встретиться по очень важному делу.

Звонок от матери Сергея Козодоева был настолько неожиданным, что в первые секунды Игорь растерялся и не знал, что ответить: согласиться на встречу или отказаться.

«Какого черта ей от меня надо? – промелькнула быстрая, как пуля, мысль. – Наверное, хочет за кого-то из знакомых похлопотать – права восстановить или договориться, чтобы из медвытрезвителя на работу сообщение не посылали».

– Одну секунду, Римма Витальевна...

Ефремов, как в ускоренной киносъемке, прокрутил все события, связанные с Козодоевой, и принял решение. Единственно правильное решение в этой ситуации – не спешить.

– Алло, алло, Римма Витальевна! – словно спохватившись, продолжил он. – Прошу прощения, ежедневник не мог сразу найти... Так, что у меня на следующую неделю? О, вот «окно» есть! У меня будет возможность накоротке переговорить с вами на следующей неделе, в пятницу.

– Игорь Павлович, дело срочное... – стала упрашивать Козодоева.

Но Ефремов был непреклонен.

– Римма Витальевна! Поймите меня правильно. Я бы рад прямо сейчас все бросить и встретиться с вами, но дела! Конец года, начальство за глотку держит, проценты трясет. А где я их возьму, эти проклятые проценты? Я уже забыл, когда с работы раньше десяти вечера уходил...

Положив трубку, Игорь закурил, подошел к окну, открыл форточку. Холодный морозный воздух вторгся в прокуренный кабинет. Слои табачного дыма вздрогнули и потянулись наружу.

«Что у нее могло случиться? – подумал Ефремов. – Судя по голосу, Козодоева на взводе, на грани отчаяния, и ее звонок – крик о помощи. Но как ни крути, я ей не друг и даже не приятель. Скорее наоборот – враг: я хотел посадить ее сына и разрушил ее семью».

За окном повалил снег, в кабинете посвежело. Игорь оставил форточку открытой, сел за стол, достал ежедневник, нашел наспех сделанную запись за второе ноября: «Сергей Козодоев – арест!»

Память человека состоит из пластов последовательных событий. Новые пласты непрерывно наслаиваются на старые. Чтобы вспомнить весь пласт разом, нужно найти ключевое событие. В истории с Риммой Витальевной таким событием было не задержание ее сына в головном офисе СГТС, а визит Ефремова в особняк Козодоевых.

«Расколол я ее тогда классно! – припомнил Ефремов. – В одно касание спесь и гонор сбил. Потом пришла ее дочка,

раскрашенная и размалеванная, как проститутка. Дочку зовут Оксана. Она прожженная стерва, но внешне привлекательная и интересная. С дочкой можно было бы замутить, да средства не позволяют».

Игорь достал кошелек, заглянул внутрь.

«До зарплаты еще десять дней, а я уже на подсосе – ни рубля лишнего нет. Истратить на Оксану резервную тысячу? Позвать ее в ресторан, то, се... Черт возьми, ужин на двоих в ресторане сейчас во сколько обойдется? Проклятая инфляция! Каждый день новые цены. Что вчера стоило червонец, сегодня за сотку не купишь. И не факт, что зарплату вовремя дадут, а не задержат на месяц-другой. Кто-то из классиков марксизма-ленинизма сказал, что государство – это войско, полиция, суд. После августовского путча войско распустили, полицию загнали в нищету, суд никогда в России в авторитете не был. Отсюда мораль – государство у нас стало понятием условным. Оно вроде бы есть, но какое-то ненастоящее, бутафорское».

К каждому делу, даже самому незначительному, Ефремов готовился основательно, не пропуская ни одной мелочи.

«Перед встречей с Козодоевой я должен быть готов к любому повороту событий. Если разговор меня не заинтересует, то я откланяюсь и уйду. А если тема будет интересной, то мне понадобится дополнительная информация для предметного продолжения разговора. Для начала мне нужно выяснить, каково финансовое и общественное положение Рим-

мы Витальевны в данный момент».

На другой день Ефремов зашел по служебным делам к начальнику городского отдела БЭП Евгению Сидорову. Решив рабочие вопросы, Игорь завел речь о семье Козодоевых.

– Кем конкретно из Козодоевых ты заинтересовался? – с подозрением спросил Сидоров. – История с Сергеем закончилась, отец его при смерти лежит, мать в отчаянии волосы на себе рвет, сестра по кабакам шляется, приключения на одно место ищет... Игорь, колись, на кого из них ты зуб точишь?

– У меня есть кое-какая оперативная информация на Сергея, и я хочу понять, стоит начинать его разработку или нет.

– Про Сергея можешь забыть. – Сидоров встал, закрыл кабинет на ключ. – Рюмочку коньяка примешь?

– Не откажусь.

«Сухой закон» и политика насильственной трезвости сыграли с их авторами жестокую шутку. Пока спиртное было под запретом, в милиции к нему не прикасались, но как только по стране прокатилась волна вседозволенности – распивать горячительные напитки на рабочем месте стало обычным явлением. В декабре 1992 года, несмотря на задержки зарплаты и общее обнищание населения, к обеду уже половина оперативного состава находилась под хмельком, а к вечеру многие напивались так, что оставались ночевать в кабинетах или с трудом доползали до дома.

Разлив коньяк по рюмкам, Сидоров достал шоколадку

«Сказки Пушкина» и пустую пачку из-под сигарет «БТ».

– Пока есть время, расскажу тебе сагу о семье Козодоевых, – начал начальник ОБЭП. – Вот эта пачка «БТ» – совместное советско-германское предприятие «Орион», которое занимается поставками оборудования для газовой промышленности. А это – основные средства «Ориона».

Сидоров достал из другой пачки три сигареты, поместил их в «БТ», жестом предложил выпить. Игорь поднял рюмку, одним глотком опрокинул в себя коньяк, отломил дольку шоколадки, попробовал. Шоколад оказался настоящим, без сои и крахмала.

«В советское время шоколадку изготовили, – отметил Ефремов. – Только где они были при советской власти, эти „Сказки Пушкина“? На каких складах их от народа прятали?»

– Все средства «Ориона» принадлежали или немецкой фирме, или советскому нефтегазовому комплексу, то есть государству, – продолжил Сидоров. – С самого первого дня деятельности «Ориона» Владимир Семенович Козодоев был его директором, но не владельцем. В 1991 году он смекнул, что до распада СССР осталось совсем немного, и подготовил хитроумный вариант по выводу основных средств из государственной собственности в фирму, подконтрольную лично ему. Козодоев-старший летом прошлого года основывает СГТС – «Сибгазтранссервис», фирму, собственниками которой стали он, его жена и сын. Как только Ельцин захва-

тил власть, так тут же Козодоев перевел все средства «Ориона» в СГТС и оставил немецких партнеров с носом. Как он оправдался перед государственными структурами за такое неприкрытое мошенничество, история умалчивает, но афера с перебросом капиталов и средств ему удалась на все сто процентов.

Начальник ОБЭП достал сигареты из пачки «БТ-Орион» и вернул их в свою пачку, наглядно показав, как в «Орионе» появились средства и как они ушли.

– Немцы не потребовали свою долю назад? – спросил Ефремов.

– Потребовали, и Козодоев вернул им «Орион» со всеми потрохами. Вот так, – Сидоров подтолкнул к Ефремову пустую пачку «БТ». – Кури, дорогой друг, наслаждайся! На дне пачки остались крошки табака, а куда делись наши общие сигареты, у меня не спрашивай. Договоры-то ты заключал с советской фирмой, а советская власть испарилась, и спрашивать, куда делись деньги, не с кого.

– Ловко придумано, – оценил Ефремов. – Что дальше?

– Где-то летом этого года стало понятно, что «Газпром» поглотит мелкие фирмы, обслуживающие газовую промышленность. Поглощение будет происходить путем выкупа активов. Грубо говоря, за пачку сигарет стоимостью сто рублей тебе предложат рубль, а если ты заартачишься, то силой отберут, а тебя самого посадят по надуманному обвинению. Чтобы не лишиться всего нажитого, Владимир Козодоев ре-

шил вывести капиталы по проверенной схеме: недвижимое имущество продать, деньги перебросить на счета вновь образованных фирм, не связанных с газовой отраслью. Он уже начал движение капитала, но тут вмешался ты, посадил его любимого сына. Сын, как ты помнишь, заместитель Козодоева-старшего в СГТС и совладелец предприятия. От навалившихся невзгод Владимир Семенович впал в кому и сейчас лежит в областной больнице, готовится к переходу в мир иной. Сколько он пробудет в бессознательном состоянии, врачи не знают. Может завтра богу душу отдать, а может еще год-полтора протянуть.

– Сейчас СГТС сын руководит?

– О, тут начинается самое интересное! Сергей Козодоев вдребезги разругался с матерью и решил оставить ее с голым задом: без средств, без активов, без перспектив на будущее.

– Но-но! – запротестовал Ефремов. – Так уж и без средств. Я был у них дома. Там один коттедж чего стоит.

– Игорь, коттедж в загородной зоне – это для тебя предел мечтаний, а для Риммы Козодоевой – конура, временное жилище. Она могла бы владеть дворцом на Кипре, а останется в промозглой Сибири.

– Сергей пойдет по проторенной дорожке?

– Конечно! Зачем выдумывать новые схемы, если старые работают? Недели две назад Сергей приступил к осуществлению плана Владимира Семеновича, но с одной небольшой оговоркой – все активы будут выведены на подконтрольные

ему, а не отцу фирмы. Через полгода он закончит переброску капиталов и умотает куда-нибудь в Германию или в Лондон, а мамашу с сестрой оставит здесь – вздыхать у разбитого корыта.

– У меня есть информация, что он по-прежнему ведет разгульный образ жизни, – неуверенно сказал Ефремов. Ему нужно было создать у собеседника впечатление, что он интересуется Сергеем Козодоевым в служебных целях, а не из личной заинтересованности.

– Ерунда! – не задумываясь, ответил Сидоров. – Нынче Козодоев-младший весь в делах. Работа-дом-работа. В ресторанах уже забыли, как он выглядит, а бывших дружков к нему охрана не подпускает.

– Он же такой гуляка был, ни одной юбки мимо не пропускал, в приемной целый гарем содержал.

– Все в прошлом! Теперь у Сергея одна женщина – вьетнамка Маша.

– Кто такая? Откуда взялась? – удивился Ефремов. – Чего это Сергея на вьетнамок потянуло?

– Как мне шепнул надежный человек, Козодоев попросил у Ханойского Джо круглосуточную охрану. Джо выделил ему людей, а чтобы Серега по ночам не скучал, направил к нему молоденькую полукровку. Отец у этой Маши – европеец, так что она выглядит очень даже ничего. К тому же Маша мастерица на все руки: у нее черный пояс по карате, говорит на трех европейских языках, хорошо готовит и в кровати, на-

верное, не лежит как бревно. Козодоев за ней как за каменной стеной.

– Как, ты говоришь, ее зовут? Маша? А по-вьетнамски как?

– Ми. В переводе с вьетнамского – красивая. Но все зовут ее Машей.

– Чем ее настоящее имя не устраивает?

– Ты о чем, Игорь? Что за имя такое – Ми? Вертолет, что ли? Представь бытовую сценку: она приготовила невкусный ужин, и ты ее отчитываешь: «Машка, ты что за фигню сварила?» Если ее будут звать Ми, то что получится? «Мишка, ты что сварил?» Как ни крути, для русского уха имя Маша и приятнее, и понятней. Маша эта, кстати, каждый день с охранником на рынок ездит, продукты покупает. Сергей нынче питается как молодой американский аристократ: все продукты свежие, экологически чистые. Спиртное ему доставляют из валютного магазина, сигареты он покупает там же, по три доллара за пачку.

– Три доллара! – воскликнул Ефремов. – Я на эти деньги до конца недели протяну, а он за день их в дым превращает? Что говорить, красиво жить не запретишь. Спасибо, Женя, за угощение и за консультацию. Не буду я Козодоева в разработку отдавать, спишу материал как не нашедший подтверждения.

– Давай еще по одной! – предложил Сидоров. – Коньячок-то настоящий, советский! Пей хоть стаканами – не отра-

вишься.

Ефремов выпил, похвалил коньяк и попросил достать бутылку такого же.

— Водки заводской могу бутылку достать, а коньяк не обещаю. Нынче советское спиртное в большом дефиците.

Вернувшись к себе, Ефремов дал поручение на установление наружного наблюдения за дочерью Риммы Витальевны. В мотивировочной части задания он написал: «Фигурантка оперативной проверки подозревается в скупке краденого и распространении наркотиков».

«По поведению дочери я попытаюсь понять, так ли плохи дела у Риммы Витальевны или она только прикидывается. Я бы с большим удовольствием за ней пустил слежку, но не могу! Не дай бог, разведчики зафиксируют мою встречу с ней, ввек потом не оправдаюсь».

Ефремов еще раз вспомнил мимолетную встречу с Оксаной Козодоевой.

«Как у нее глаза сверкнули, когда она поняла, что у меня под пиджаком пистолет! Женщины падки на дерзких вооруженных мужчин, хоть на сыщиков, хоть на бандитов... Проклятое двоемыслие! Научил же Лаптев словечку. Я теперь во всем, даже в себе, ищу двоемыслие. Спрашивается, на кой черт мне Оксана, если я не знаю, о чем с ее мамашей разговор пойдет? На будущее хочу полянку застолбить? К черту! Хватит самоедством заниматься. Дал поручение, значит, так надо было».

В пятницу, в день перед встречей с Риммой Витальевной, Ефремов получил первый отчет.

«Объект взят под наблюдение в 9.00 17 декабря 1992 года. До 18.00 объект находился дома. В 18.05 на такси выехал в город, где в ресторане „Солнечный“ встретился с неизвестными мужчинами (Н-1 и Н-2, личности не устанавливались, так как соответствующего задания не было). Во время встречи объект, Н-1 и Н-2 пили кофе, спиртное не заказывали. За столик расплачивался Н-2. В 20.00 объект и мужчины покинули ресторан и разъехались на разных автомобилях. Н-1 и Н-2 уехали в сторону центра города на „БМВ“, принадлежащем Н-1. Объект уехал от ресторана на случайно выбранном автомобиле („частнике“). Водителю присвоен номер Н-3. В случае необходимости личность его будет установлена по областной базе ГАИ. С 20.20 до 23.00 объект находился в кафе „Лас-Вегас“ за столиком с подружкой Л (личность установлена). За вечер к их столику подсаживались мужчины. В первый раз – Н-4, Н-5, во второй – Н-6 и Н-7. Судя по поведению объекта, встречи с мужчинами носили деловой характер. Наш сотрудник дважды проходил мимо объекта и слышал следующие обрывки разговоров.

Объект: „Так всегда! Стоит попасть в затруднительную ситуацию, как друзья тут же испаряются“.

Н-5: „Друзья остались в прошлом. Сейчас есть

только деловые партнеры“.

Второй разговор:

Объект: „Он еще не весь город под себя подмял“.

Н-6: „СГТС в его руках“.

После встреч с Н-4, 5, 6, 7 за столик к объекту подсел мужчина. Личность его установлена – Николай Долгополовский, заместитель директора банка „Востокэнергопром“. Перед закрытием кафе Долгополовский рассчитался за девушек и увез их на личном автомобиле „Тойота“. Объект наблюдения он высадил около дома в коттеджном поселке, а „Л“ увез в гостиницу „Сибирь“, где пробыл с ней до 03 часов ночи 18.12.92 г.».

Ефремов отложил сводку, понимающе улыбнулся.

«Ребятки устали следить за Оксаной и в конце рабочего дня решили поразвлечься, посмотреть, куда ее подругу повезет немолодой банкир».

Игорь раскрыл конверт с пачкой фотографий. Мужчин и подругу Оксаны он рассматривать не стал – они были случайными персонажами, не представляющими интереса.

«Оксана все в такой же боевой раскраске, размалевана, как бродвейская проститутка, а лицо у нее серьезное. Она не для развлечений с мужчинами встречалась... Оксана в ресторане и кафе зондировала почву, искала союзников для борьбы с братом, но ей все отказали. Немудрено! Сергей нынче в силе, папашин капитал на него днем и ночью работает. Ну что же, посмотрим, что Римма Витальевна предло-

жит».

Ефремов и Козодоева встретились в уютном кафе на тихой улочке рядом с кинотеатром «Октябрь».

– Я хочу, чтобы вы посадили моего сына, – без обиняков сказала Козодоева. – Мне необходимо, чтобы этот подонок оказался в тюрьме и провел там не менее полугода. Цена вопроса – десять тысяч долларов США... Вы возьметесь за такую работу?

– Мне надо подумать, – уклончиво ответил Ефремов и назначил следующую встречу на понедельник.

В субботу Игорь пригласил в гости Виктора Воронова.

«Ворон – самый умный из всех следователей в управлении. Никто не может сравниться с ним в умении находить юридически точный и правильный выход из самых запутанных и безнадежных ситуаций. Как специалист Ворон вне конкуренции. Все следователи работают за зарплату и выслугу, за пенсию в сорок пять лет, а он расследует уголовные дела из любви к искусству. Если я найду к нему подход, то Ворон с легкостью расскажет, как посадить Козодоева. Если нет – то пошлет меня куда подальше, а я – pošлю Римму Витальевну. Самому мне паутину сплести не удастся, на какой-нибудь мелочи погорю».

В воскресенье Ефремов встречал гостя по-барски. На стол он выставил запеченную в духовке курицу, отварную картошку, мисочку оливок, порезанные соленые огурцы, приправленные майонезом, сало с чесноком, свежий хлеб.

– Игорь, да ты, оказывается, кудесник! – удивился Воронов. – Я к духовке подходить боюсь, а ты курочку в ней запекаешь!

– Не говори ерунды, – поморщился Ефремов. – Мои кулинарные познания не простираются дальше яичницы. Курицу купил я, а приготовила соседка. Оливки Сидоров подогнал. Огурцы и сало родители дали. У меня в принципе пельмени магазинные в холодильнике есть. Могу приготовить.

– Спасибо, не надо! – отказался гость. – В эти пельмени и при советской власти черт знает что добавляли, а сейчас наверняка фарш из отходов мясного производства делают.

Ефремов вынул из холодильника бутылку запотевшей «Пшеничной».

– Полюбуйся на этикетку! – похвалился он. – Советский продукт, последние слезы времен застоя. Можно без закуски пить – желудок не испортишь.

Пока хозяин разливал по рюмкам, Воронов поделился своими наблюдениями о продаже спиртного в городе.

– От дома до остановки я насчитал три винно-водочных

магазина и два пивных ларька. По дороге к тебе встретился киоск по продаже разливного вина. Представь, лет бы пять назад стоял ларек с разливным вином – вот бы очередь у него выстроилась! Похлеще, чем в Мавзолей в день рождения Ленина.

– В этом киоске продают откровенную бурду: виноградный сок, разбавленный техническим этиловым спиртом. Советский «Солнцедар» по сравнению с этим вином – напиток богов, нектар!

– О, о спирте! – оживился гость. – Во всех ларьках продают спирт «Роял», самый популярный спиртной напиток. Когда я смотрю на него, то все время думаю, что если НАТО надумает с нами воевать, то обойдется без применения ядерных ракет и ковровых бомбардировок промышленных центров. Пугало времен холодной войны – бомбардировщик «Б-52» американцам пора сдавать в утиль. Атомные подводные ракетоносцы – туда же! Для покорения современной России достаточно отравить спирт «Роял», и полстраны в ауте валяться будет. Если так и дальше дело пойдет, то не НАТО, а мы сами себя в угол загоним и сдадимся американцам без боя.

– Уже сдались. Политически независимое, самодостаточное государство никогда не согласится принимать гуманитарную помощь от своих вчерашних врагов.

– Это ты про «ножки Буша»? Говорят, их в Америке запрещено продавать. В этих окорочках столько антибиотиков

напихано, что в аптеку ходить не надо. Съел пару окорочков – и здоров!

Ефремов поднял рюмку.

– За что выпьем? – спросил он.

– За нас, за ментов! Мы при любой власти без работы не останемся.

После первой рюмки мужчины поели, выпили еще по одной. Настало время поговорить о деле.

– Слушал я тебя в прошлый раз, – начал Ефремов, – и вспомнил, как мы с тобой у Козодоева были, как он с нами через губу разговаривал. Ворон, признайся, у тебя не было ощущения, что он ждал, когда мы на колени встанем и к его столу на четвереньках поползем? У меня было. Клянусь, я бы его, мерзавца, прямо там растерзал, да ты не дал.

Ефремов с сожалением вздохнул, посмотрел в окно и продолжил, не глядя на собеседника:

– В советских фильмах белогвардейцы всегда аккуратно и чисто одеты, гимнастерки отутюжены, сапоги начищены. Разговаривают вежливо, без матов. Спрашивается: почему они проиграли в Гражданскую войну? Как народ мог помянуть стабильность и величие страны на иллюзорные обещания всеобщего равенства и братства? Равенство – это миф. Не было никогда в человеческой истории равенства и не будет. Всегда были бедные и богатые и всегда будут. Так почему же народ пошел за большевиками, за комиссарами в потертых тужурках? А вот почему! Все белогвардейцы бы-

ли славными парнями, но среди них водились сволочи типа Сергея Козодоева. Одного на тысячу хватит, чтобы народ возненавидел власть и правящий класс. Сережа-то Козодоев, когда был у папаша заместителем, собой ничего не представлял, а говорил с нами, как фараон с рабами. Имел бы он возможность – вызвал бы надсмотрщиков, и всыпали бы они нам с тобой по первое число, чтобы «его царское величество» зря не беспокоили. Вот такие-то дела, брат! Одна паршивая овца все стадо портит.

Ефремов посмотрел гостю в глаза и спокойно, как о чем-то само собой разумеющемся, сказал:

– Ворон, я хочу посадить Козодоева-младшего.

– За что? – нисколько не удивившись, спросил гость. – За то, что с нами невежливо разговаривал, ядовитым перегаром на нас дышал? Ты, Игорь, не забывай, что уголовное дело по Козодоеву у меня в производстве было...

– погоди! – перебил хозяин. – Виктор, ты согласен, что Козодоев – сволочь и преступник, чудом избежавший ответственности за убийство? Он после освобождения за ум не взялся. Он как презирал нас, так и презирает. Я хочу...

– Теперь ты погоди! – остановил Ефремова гость. – Ты красиво начал: монархисты, справедливость, преступник, избежавший возмездия. Только все это – не для меня. Я реалист. С юридической точки зрения Козодоев – не преступник. Срок давности привлечения его к уголовной ответственности прошел, значит, он перед законом чист. Эта тема

закрыта. Но если тебе спать не дают погранные идеалы справедливости и добра, то возьми пистолет, приди поздним вечером к Козодоеву домой и перестреляй его и всю его охрану. Если подойдешь к делу с умом, то процентов пятьдесят, что тебя не разоблачат. Сам же сказал, что Козодоев – сволочь и ублюдок, а значит, и с раскрытием его убийства лоб расшибать никто не будет, все на разборки между конкурентами спишут.

Ефремов молча встал, вышел из кухни в комнату. Он предвидел такое развитие событий и подготовился к их продолжению.

– Посмотри, как она тебе? – Игорь положил перед гостем фотографию девушки в школьной форме.

– Ничего чувиха, – осторожно оценил гость. – Симпатичная.

– Десять лет назад, – начал издавека Ефремов, – эта девушка была моим агентом. Ее зовут Наташа Голубева. В декабре 1982 года она училась в десятом классе.

– Как ты ее смог завербовать? – удивился Воронов. – Несовершеннолетних же нельзя на связь ставить?

– Вербовка была неформальной, агентурное дело я не заводил, но Наташа добросовестно работала на меня. Со временем наши отношения переросли из деловых в личные, и я стал подумывать: а не жениться ли на ней? Как раз в это время, десять лет назад, вот эта квартира, где мы сейчас сидим, стала моей, но в ней ничего не было: ни мебели, ни ве-

щей. Я занял денег, начал обставлять новое жилище. Когда квартира была готова к визиту Голубевой, она попалась мне с другим парнем, и наши отношения на том закончились.

– Грустная история, только при чем здесь Козодоев?

– Сергей Козодоев сидел за одной партой с Голубевой, и она убедила меня, что он не способен на убийство. Это раз. А теперь два: если бы Козодоев не убил любовника своей матери, то у меня было бы больше времени на девушку, и я бы обставил квартиру не в конце декабря, а гораздо раньше. Тогда, десять лет назад, я день и ночь пахал на раскрытии убийства Бурлакова, и с Голубевой мог встречаться от случая к случаю. Как ты думаешь, это веские основания, чтобы я навсегда возненавидел этого подонка?

– Игорь, так ты себя просто образцово вел в его кабинете! Подумать только, он тебе свадьбу расстроил, а ты ему даже в морду не дал.

Ефремов уловил иронию в словах коллеги, но и к этому обороту он был готов.

– Никто про мой облом, кроме тебя, не знает, – признался он. – Козодоев вообще не в курсе моих отношений с Голубевой. А с ней я расстался без скандала и выяснения отношений. Я предложил ей зайти ко мне в райотдел – забрать компрометирующие ее фотографии, но она не пришла. Фотки я сжег, о Голубевой забыл, но когда с Козодоевым столкнулся лоб в лоб, то разом про все вспомнил.

Воронов не поверил в историю о злом разлучнике Козо-

доеве, который к тому же не знал и даже не догадывался, что разрушил отношения между взрослым мужчиной и своей одноклассницей. Воронов не поверил Ефремову, но постановка вопроса ему понравилась.

«Мстить за поруганную любовь – дело благородное. Это не за хамское поведение человека в тюрьму упрятать, это чувства, патетика! Посмотрим, куда он дальше повернет».

Ефремов истолковал молчание гостя по-своему:

«Кажется, Ворон клюнул на наживку. Не зря я полгода назад фотографию у Голубевой из семейного альбома свистнул. Как чувствовал, что пригодится».

– Вот такая-то история, брат! – невесело сказал Ефремов, разливая водку. – Видел я Наташу Голубеву в одних трусиках, вусмерть пьяную, видел ее в одних колготках и бюстгальтере, а вот на полностью раздетую взглянуть не удалось. Козодоев помешал... Так ты поможешь мне или нет?

– Надо знать, что ты хочешь от меня. Я Козодоева убивать не собираюсь.

– Ворон, мне нужен совет. Просто совет, ни к чему не обязывающий. Я спрашиваю – ты оцениваешь ситуацию с юридической точки зрения и даешь совет, как бы я мог поступить, чтобы добиться нужного мне результата.

– Сразу оговорюсь: если ты надумал вернуться к событиям 1982 года, то забудь о них. Все, что десять лет назад сделал Козодоев, прошло и растворилось во времени. Даже если ты выяснишь, что он в том памятном для тебя декабре соб-

ственноручно прикончил с десяток любовников своей матери. Все быльем поросло, забыто и закрыто.

– Так ты согласен помочь?

– Я уже помогаю. Я только что отсек негодный путь и готов выслушать тебя дальше. Но для начала скажи, какими силами и средствами ты располагаешь и какой результат хочешь получить?

– Начнем с результата. Я хочу посадить Козодоева минимум на год, а еще лучше на много-много лет, чтобы он в зоне навсегда забыл о женщинах и развлечениях.

«Это заказ, – понял Воронов. – Игоря очень настойчиво попросили посадить Козодоева, временно вывести его из игры. Теперь попробуем узнать, кто заказчик».

– Кроме нашей организации, у тебя будут союзники?

– Надо подумать, – уклончиво ответил Ефремов.

– Игорь, или ты выкладываешь мне всю суть, или давай снова поговорим о монархистах, и я пойду. Я не могу впотьмах конструировать безупречные комбинации. Юриспруденция – наука точная, на ощупь обвинение не построишь.

– Мать Козодоева и его сестра на моей стороне, – не стал скрытничать Ефремов. – Других значимых игроков пока нет. Ворон, коли мы играем в открытую, скажи: его за изнасилование притянуть можно? Я до того, как обратиться к тебе, прокручивал несколько вариантов, и самым беспроектным мне кажется изнасилование. Мог же он свою сестру из-

насиловать? Если надо, то она даст показания.

«На мамашу нажму, она поработает с Оксаной, и дочка даст на брата показания, какие нам потребуются», – мысленно дополнил Ефремов, но вслух о Римме Витальевне говорить не стал. Он не собирался посвящать коллегу во все тонкости дела.

– Ты не забыл общий курс уголовного права? – спросил Воронов. – Преступления бывают формальные и материальные. Изнасилование, на мой взгляд, ошибочно относится к формальным преступлениям, то есть к тем деяниям, которые не требуют изменения во внешнем мире. На практике все не так. Изнасилование должно подтверждаться материальными доказательствами или иметь косвенные доказательства, но своевременно заявленные. Я понятно объясняю? Либо у изнасилованной женщины есть следы насилия, либо изнасилования не было. Вариант: насильник мог запугать жертву и не оставить биологических следов, но тогда она должна заявить о преступлении тут же, непосредственно после его совершения. Если сестра заявит, что брат изнасиловал ее несколько лет или месяцев назад, то без медицинских документов такой номер не пройдет.

– Ты прав! – поразмыслив полсекунды, согласился Ефремов. – Если бы он изнасиловал сестру в школьные годы, в классе так в шестом-седьмом, то на первом же медосмотре этот факт выплыл бы наружу и заинтересовал врачей. Начались бы расспросы, и «шалости» брата вылезли бы наружу.

При советской власти с половой неприкосновенностью было строго.

– Не забывай о субъекте преступления! Изнасиловать сестру или обманом лишить ее девственности мог кто угодно. Чтобы брат стал насильником, она должна была бы заявить об этом сразу же после изнасилования или после медицинского осмотра. Если факт разбирательства о начале половой жизни предполагаемой жертвы нигде не зафиксирован, то забудь о нем.

Ефремову было жалко расставаться с продуманной комбинацией. Он замолчал, пытаясь найти лазейку в законе, но Воронов опроверг все его варианты еще до того, как Игорь успел слово сказать.

– Сестра Козодоева из приличной семьи, – подытожил Воронов. – Если бы девственности лишилась шестиклассница, у которой родители пьют и за детьми не смотрят, то никто бы не стал шума поднимать – мало ли с кем из родительских собутыльников девочка переспала! Но у Козодоева мать была преподавателем в институте, отец – передовик производства. Любое происшествие с их дочерью рассматривалось бы как ЧП. Забудь про изнасилование. Этот путь ведет в никуда. Единственный вариант: изнасилование состоится завтра и будет иметь материальное подтверждение: синяки, ссадины и сперму насильника.

– Козодоев вот уже месяц ведет скрытный образ жизни. К сестре он и близко не подойдет, даже если она его будет

упрашивать... Ворон, ты чего ухмыляешься?

Гость быстрым отрывистым движением провел ладошкой по губам – стер улыбку с лица и стал серьезным.

– Извини, не хотел, но как-то само собой нарисовалось: соблазнила сестра брата. Он вышел из спальни, поехал домой. Тут в комнату вбегаешь ты и со всего размаху бьешь девушке в глаз. Она охает, причитает, сгребает вещи в охапку и вприпрыжку мчится в СМЭ – экспертизу проходить. Вариант жизнеспособный, но какой-то хлипкий. Я бы не рискнул такое дело в суд отправлять.

– Черт с ним, с изнасилованием! Ты что можешь предложить?

– Кража, грабеж, разбой – любое преступление, связанное с хищением предмета, который можно изъять у преступника.

– Отпадает. После возвращения с Севера Козодоев всегда был при деньгах. Ему на кражу или разбой смысла не было идти.

– Не скажи! – возразил гость. – Люди иногда совершают странные поступки, порой необъяснимые. Вспомни сыночка директора плодоовощной базы. Он, пьяный, вышел из ресторана, сдернул с головы у первой встречной гражданки шапку и убежал с ней за угол. Папаше его, помнится, стоило больших денег, чтобы дело замять.

– Дело помню. Кстати, куда шапка-то делась?

– Сыночек выбросил ее у подъезда, а кто-то подобрал. Теперь взгляни на этот случай с юридической точки зрения.

Если бы в тот момент, когда преступник убегал, его бы задержали, то директорскому сыну срок был бы гарантирован и никто бы во внимание не принял его материальное положение. Преступник в состоянии вагон норковых шапок купить? Ну и что с того? Если у тебя есть деньги, то это не значит, что ты можешь безнаказанно с прохожих головные уборы сдергивать.

– Это мысль, – призадумался Ефремов. – До недавнего времени Козодоев пил чуть ли не ежедневно и мог в пьяном виде начудить.

– Не забудь о материальной стороне дела. Похищенная им вещь должна быть изъята и опознана потерпевшим. Мало того, о совершенном преступлении должно быть заявлено до того, как похищенная вещь будет обнаружена.

– Принцип мне понятен: «Есть вещь – кража доказана». Осталось совсем немного: найти человека, которого он ограбил, и изъять приметную вещь... Золотая цепочка подойдет?

– Лучше серьги с камушками. Цепочку словесно трудно описать, а серьги с рубинами – запросто.

– Серьги надо из ушей вырывать...

– Глупость какая! Покажи любой девушке нож в темном переулке – она сама серьги снимет и тебе отдаст.

– Ты дал отличный совет! – похвалил Ефремов гостя. – Теперь давай выпьем и поговорим о чем-нибудь более приятном, чем уголовное право. Хочешь, я расскажу, как завербовал Голубеву? Это было что-то! Итак, привезли Наташу в

наш отдел в неменяемом состоянии...

После ухода Воронова Игорь убрал со стола, помыл посуду, посмотрел телевизор. Как только на город стали опускаться ранние зимние сумерки, он решил: «Пора!» Достал из шкафа припрятанную на всякий случай бутылку спирта «Роял», плеснул треть стакана, разбавил водой. Жидкость в стакане мгновенно помутнела и стала теплой, но Ефремов не собирался дожидаться окончания химической реакции. «Пора, пора! – требовал его возбужденный мозг. – Если упustiшь момент, то не сможешь погрузиться».

Морщась от горечи, крепости и теплоты смеси спирта с водой, Ефремов залпом выпил стакан, выдохнул, занюхал корочкой хлеба, передернулся всем телом, закурил.

«Теперь главное – не поддаваться соблазну лечь с сигаретой в кровать. Высоцкий, как пишут его друзья, в последние часы своей жизни лежал на диване, курил и на мгновения забывался. В эти минуты непотухшие сигареты выпадали из его рук. Друзья подбирали окурки и тушили их. Судя по воспоминаниям друзей, в день смерти Владимира Семеновича их собралось у его дивана не меньше десятка, и каждый был рад прикоснуться к священной сигаретке. У моей кровати преданных друзей не будет, тлеющие сигареты подбирать будет некому, так что курить в кровати я сегодня не буду».

Не раздеваясь, Ефремов лег на кровать, прикрыл гла-

за, прислушался к организму. Оглушенное ударной дозой спиртного, тело расслабилось, сознание помутилось, но ровно в той мере, чтобы не мешать «погружению». Игорь мысленно попробовал приподнять тело над кроватью, и оно с легкостью «поднялось».

«Пожалуй, сегодня получится, – решил он. – Тело к полету готово. С чего начать? А с чего получится, все равно погружение от меня не зависит!»

Ефремов представил земную кору в разрезе. На поверхности литосферы лежали осадочные породы: почва, глина, еще что-то, наверное, спрессованный морской ил. Под ними – каменное тело планеты: гранит, базальт, мрамор. Между твердыми и осадочными породами черными полосками залегали нефть и уголь, но природные ископаемые не интересовали Игоря. Магма, раскаленное ядро Земли – вот куда лежал его мысленный путь.

«Погружайся, ищи лазейку!» – скомандовал себе Ефремов.

Если бы Игоря спросили, каким образом ему удастся перейти в виртуальный мир и совершать в нем путешествия, он бы не смог этого объяснить. «Погружение» не зависело от его воли и происходило крайне редко, не чаще раза в год. В первый раз оно произошло после задержания членов банды Васи-молодого в середине 1980-х годов. В тот день Игорь впервые выстрелил в живого человека и сразил его наповал. За стрельбу в вооруженного бандита Ефремова могли уво-

лить из милиции, но все обошлось. Комиссия из областного УВД утвердила заключение проверки – «оружие применено правомерно». Вернувшись домой, Игорь для снятия стресса напился и в первый раз «улетел» в прошлое. Новые ощущения так понравились Ефремову, что он попытался повторить полет снова и снова, но ничего не получалось. Для запуска «погружения» должны были совпасть несколько факторов, главным из которых был поиск жизненно необходимого ответа. Спиртное в процессе «погружения» играло роль катализатора: оно отсекало, ретушировало лишние воспоминания и высвечивало только нужные.

«Я готов!» – мысленно сказал Ефремов неведомо кому.

Картинка с земной поверхностью в разрезе пришла в движение. В одном месте ярко-алая магма выгнулась остроко-нечным куполом, набралась сил и выплеснулась наружу через жерло вновь образовавшегося вулкана.

«Что это? – подумал Ефремов. – О чем говорит эта магма? Ах да, это глаза. Чьи? Натальи Голубевой. При каких обстоятельствах я смотрел ей в глаза, как давно это было? В тот день, когда она разделась и хотела соблазнить меня? Нет, это было позже. Быть может, этот взгляд я уловил в общежитии, когда застал ее с другим парнем? Нет, в общежитии она смотрела в пол. Так когда? Что это, ребенок плачет? Точно, Голубева смотрела на меня, а рядом хныкал ребенок. У Наташки двое сыновей, какой из них плачет, старший или младший? Конечно же, младший! Я вновь встретился с Голу-

бевой, когда она была беременна вторым сыном. Как плачет старший, я слышать не мог. После рождения второго ребенка мы с Голубевой стали „встречаться“. Ее муж, запойный пьяница, давно догадался о наших отношениях, но предпочитал делать вид, что не замечает их. Как-то раз он пришел не вовремя, услышал возню в спальне, взял ведро с мусором и вышел во двор».

Картинка с разрезом Земли и вулканом исчезла, и Ефремов оказался в квартире Голубевой. Наталья качала засыпающего ребенка в кроватке, а Игорь сидел рядом и рассказывал ей о разоблачении Козодоева.

– Я до сих пор не верю, что он мог убить человека, – тихо сказала Голубева.

– О чем ты говоришь! – прошептал Ефремов. – Ты давно его видела? Ах, после выпускного вечера в школе не встречала... Он сильно изменился с тех пор, как сидел с тобой за одной партой.

«Потом, что было потом? – спросил себя Ефремов. – Потом мы говорили о Козодоеве, о ее одноклассниках, и она назвала человека, от которого нить ведет к врагам Козодоева... Нет, не то. Фамилия этого человека Быков. Мне он пока не нужен».

Ефремов вновь переключился на Голубеву.

– Ты знаешь, кого я недавно повстречала? – спросила Наташа. – Лену Кайгородову. Она у меня денег взаймы попросила, но я, естественно, не дала.

В эту секунду нейроны в мозгу Ефремова взбесились, вскипели и разбежались по своим местам. Физиологически процесс мышления выглядел, конечно же, не так, но для Игоря «погружение» всегда заканчивалось одинаково, и ему казалось, что после секундного кипения крошечные нейроны разбегаются по извилинам мозга и затихают, а вместо них появляется целостная картина. Единая, с множеством участников и невидимыми нитями взаимосвязи между ними.

Ефремов встал, пошатываясь, прошел на кухню, попил холодной воды из-под крана.

«Завтра от меня будет перегаром за версту нести, – подумал он. – Ну и черт с ним! После выходного дня почти все в отделе придут на развод с перегаром, и запах будет стоять такой, что у непьющего Киселева голова закружится. Но к дьяволу перегар, коллег и спиртное! Главное – я нашел нить к врагам Козодоева».

Игорь сел за стол, закурил.

«Отличное „погружение“!» – похвалил он неизвестно кого, но не себя. «Погружение», как ни крути, от воли Ефремова не зависело.

«Так, что мы имеем? – начал анализировать „погружение“ Игорь. – В конце ноября я пришел к Голубевой. Муж ее был на работе, Наталья сидела с ребенком на больничном. Старший сын был в детском саду, а младший, трехлетний болезненный мальчик, – в кровати. Я рассказал Голубевой о Козодоеве, мы повспоминали события десятилетней давности,

и она сказала, что на днях встретилась с Кайгородовой. Елена Кайгородова не училась в одной школе с Голубевой. Она из другого микрорайона, но дружила с парнем из пятидесятой школы, Михаилом Быковым. Что я о нем помню? Он был в школьные годы лучшим другом Сергея Козодоева. В 1982 году, вскоре после убийства любовника матери Козодоева, Быков покончил с собой – бросился вниз с двенадцатого этажа. Примерно через неделю после его самоубийства выяснилось, что в день убийства Бурлакова, любовника Риммы Витальевны, Быков стоял у его подъезда, страховал убийцу. Десять лет назад этот факт к раскрытию преступления не привел, но сейчас, после признательных показаний Козодоева, все видится в другом свете. Если бы тогда мне дали возможность поработать с Козодоевым по-настоящему, я бы... К черту это сослагательное наклонение! Что было, то было. А что получилось? Козодоев и Быков были сообщниками, и один из них вдруг ни с того ни с сего сиганул с последнего этажа самого высокого здания в районе. Это примечательный момент, но надо вернуться к Кайгородовой. Она, со слов Голубевой, сильно опустилась, буквально до нищенского состояния, и виной тому – наркотики. Кайгородова вот уже несколько лет плотно сидит на игле. При встрече с Наташкой Кайгородова расплакалась и пожаловалась на жизнь. Наркоманы с легкостью плачут, когда хотят разжалобить и выпросить деньги на дозу. Вспоминая прошлое, Кайгородова сказала: „Я ненавижу трех человек: мать – за то, что она

родила меня, брата – за то, что посадил на иглу, и Козодоева, убившего моего парня“. Вот она, суть „погружения“! В прожженных опиумом мозгах Кайгородовой осталось одно крохотное местечко, где она хранит воспоминания о светлом прошлом, где еще не было ни брата, ни иглы. Кайгородова наверняка уверена, что если бы Быков остался жив, то она бы не скатилась на самое дно и была бы сейчас счастливой замужней женщиной, как Голубева, например. У Наташи Голубевой дети от разных отцов, живет она с человеком, которого презирает, но по сравнению с опустившейся наркоманкой она – счастливейшая из женщин. Если с Кайгородовой поработать в нужном направлении, то она пойдет на все, лишь бы отомстить Сергею Козодоеву за свою изломанную жизнь. Внушить ей, что если бы не Козодоев, то она бы никогда не прикоснулась к игле, проще простого. Наркоманы охотно верят в сказки о своей изначальной непорочности, и источник всех бед ищут во внешнем мире, а не в самих себе. Итак, жертва преступления у меня есть. Елена Кайгородова – маргиналка. Наверняка ее неоднократно грабили и избивали. Жизнь у наркоманов тяжелая – всякий норовит их обидеть и обворовать. Если, конечно, есть что взять. Предположим, у Кайгородовой было что-то ценное. Если поднять сводки за несколько прошедших лет, то я уверен, что ее фамилия всплывет не раз и не два. Надо будет только найти подходящее преступление и привязать к нему Козодоева. Что он совершит? Ограбит бедную девушку Елену, заставит ее снять

золотые серьги. Почему Кайгородова в милиции при подаче заявления прямо не указала на Козодоева, если она его знала лично? А кто сказал, что она его знала? Кто сейчас сможет подтвердить, что Кайгородова и Козодоев встречались в одной и той же молодежной компании?»

Ефремов принес чистый лист бумаги, плохо слушающей-ся рукой вывел: «Отсечь Козодоева от Кайгородовой. Прозондировать их отношения в 1982 году. Выяснить общий круг знакомых».

«Мне предстоит большая работа, – подумал Игорь. – Один я не смогу разрабатывать несколько линий сразу. Для того чтобы вырыть под Козодоева яму, мне понадобятся помощники. Первым будет Владимир Бериев, он же Лаврентий, он же отец двух детей, примерный семьянин и один из лучших оперов в отделе. Лаврентий соберет нужные мне данные, но посвящать его во все тонкости замысла не стоит. Володя – тертый калач, на мутные истории о преданной любви или на месть зажравшемуся барчуку он не купится. Придется подогнать мой интерес к Кайгородовой под служебную необходимость. Вторым помощником у меня будет Киселев – спортсмен, красавец мужчина, идеалист и недалекого ума человек. Киселев будет моей ударной силой и в случае чего первым пойдет под раздачу, а я в стороне останусь. Итак, план готов, действующие лица определены. Завтра можно приступать к его осуществлению».

В понедельник, 21 декабря, около восьми часов утра заместитель председателя городского Совета народных депутатов Грязев Юрий Степанович отправился на работу. На улице было еще темно, но дорожка между пятиэтажками хорошо освещалась уличными фонарями и светом из окон. Примерно в ста метрах от остановки общественного транспорта навстречу Грязеву выбежал мужчина в болоньевом лыжном костюме с надвинутой на лоб шерстяной шапочкой. Низ лица спортсмена скрывал намотанный вокруг шеи шарф, в руке он держал предмет, похожий на палку. Не добегая до Юрия Степановича пару шагов, спортсмен весело выкрикнул: «Дядя, не спеши!» Взмахнул рукой и со всей силы врезал резиновой милицейской дубинкой по лбу народному избраннику. От удара у Грязева посыпались искры из глаз, он закричал дурным голосом, схватился за голову, присел на корточки, но спортсмен и не думал его добивать – легкой трусцой он скрылся с места происшествия. Поняв, что нападение закончилось, Юрий Степанович бросился к ближайшему телефону-автомату и набрал «02».

– Милиция? Милиция?! Это депутат Грязев! На меня только что было совершено нападение. Что? Я не пострадал. Вернее, я сумел увернуться от смертельного удара и сейчас стою около восьмого дома. Почему около восьмого? Да по-

тому, что тут единственный рабочий телефон в районе! Выезжайте немедленно и в «Скорую помощь» сообщите.

Оперативный дежурный, узнав о происшествии, просто-на-прост: «Господи Иисусе Христе! Ну, зачем же так-то, в конце смены?» – и послал к Грязеву следственно-оперативную группу. Следом на место происшествия выехали прокурор города, Самойлов и дежурный по городскому Совету народных депутатов. Юрий Степанович Грязев был известным скандалистом, на дух не переносившим людей в погонах. На последней сессии горсовета он до того договорился, что предложил сократить финансирование муниципальной милиции ровно наполовину. «Незачем нам разбрасываться народными деньгами! В нашей милиции половина сотрудников пьяницы, бездельники и мздоимцы. Пусть посидят без зарплаты, может быть, тогда работать начнут». Узнав об этом заявлении, участковые инспекторы милиции, получающие зарплату за счет средств городского бюджета, дружно возмутились: «Это мы-то бездельники? А они, депутаты, что делают? Вагонетки в шахте толкают? Чья бы корова мычала! Тот же Грязев, как во власть пролез, так ни дня не работал, только языком трепать научился да бредовые идеи предлагать».

К приезду следователя у Грязева на лбу образовалась огромная шишка.

– Вот, видите! – раз за разом показывая на лоб, причитал Грязев. – Если бы не шапка-ушанка, он бы убил меня на месте.

– С чем могло быть связано нападение на вас? – задал следователь дежурный вопрос.

– С моей общественно-политической деятельностью, – не задумываясь, ответил депутат.

– Нельзя ли конкретнее, Юрий Степанович? Какой поступок мог подтолкнуть преступников к расправе над вами?

– Вся моя жизнь – служение народу! – пафосно заявил Грязев. – Сейчас в нашем городе столько врагов народовластия развелось, что с любой стороны можно ждать подлого удара в спину.

– Вы запомнили приметы нападавшего?

– Темно было, – недовольно ответил Грязев. – Я не успел его рассмотреть.

Он повернулся на шум подъехавшего автомобиля, увидел Самойлова и бросился к нему:

– Роман Георгиевич, вы посмотрите, что делается! Среди бела дня, посреди города на меня террористы напали и чуть не убили. Вот, полюбуйте! – Грязев снял шапку, показал Самойлову шишку на лбу. – Если бы я не увернулся, этот террорист убил бы меня.

– Так уж и террорист, – усомнился Самойлов.

– А кто же еще! – взвелся Грязев. – Я – народный депутат, и любое нападение на меня – это террористический акт. Это враги народовластия пытаются повернуть ход истории вспять и вернуть власть узурпатору.

– На Ельцина намекаете? – с серьезным видом спросил

Роман Георгиевич. – Считаете, что это он подослал террористов?

– Да при чем тут Ельцин! – в отчаянии воскликнул Грязев. – Откуда Ельцину про меня знать? Он о нашем городе-то вряд ли слышал. Сидит в Кремле, козни строит, а его наймиты по городу с оружием бегают, на государственных деятелей нападают.

На место происшествия прибыла «Скорая». Врач, осмотрев пострадавшего, забрала его с собой в больницу, на обследование. Пока пострадавший усаживался в автомобиль, врач успела шепнуть Самойлову:

– С Грязевым ничего серьезного. Походит с «рогом» недельку, и все пройдет.

Председатель городского Совета народных депутатов Тарас Васильевич Холодков узнал о нападении на своего заместителя от дежурного по горсовету. Не раздумывая, он позвонил начальнику УВД области.

– Прошу вас принять исчерпывающие меры для раскрытия этого подлого преступления! – потребовал он. – Я считаю, что распоясавшиеся политические бандиты должны почувствовать единство народной власти и милиции. Если злоумышленники не будут установлены и арестованы по горячим следам...

– Я все понял, – раздраженно оборвал народного избранника генерал и бросил трубку.

И Холодкова, и Грязева начальник областного УВД счи-

тал пустобрехами и кривляками, волею случая дорвавшимися до законодательной власти.

Не прошло и получаса, как Самойлов получил распоряжение: «Для раскрытия нападения на депутата Грязева Ю. С. сформировать следственно-оперативную группу, руководство которой поручить самому опытному следователю городского УВД». Роман Георгиевич вызвал Алексея Алексеевича Зубрилина, временно исполняющего обязанности начальника городского следствия.

– Дело поручишь расследовать Лаптеву, – приказал он.

– Почему именно ему? – не понял Зубрилин.

После вчерашнего возлияния Зубрилин с трудом понимал, что произошло с Грязевым и почему кто-то из его отдела должен заниматься столь незначительным преступлением. «Шишка на лбу – это же побои, подследственность дознания, пусть они и занимаются спортсменом с дубинкой», – хотел сказать Зубрилин. Но во рту у него так пересохло, что каждое слово давалось с трудом, и он промолчал.

– Это политика! – словно уловив мысли коллеги, разъяснил Самойлов. – К вечеру во всех новостях раструбят, что у нас по городу террористы шайками ходят и всех, кто под руку подвернется, обрезками стальных труб по головам лупят.

Самойлов не в первый раз видел своего заместителя в неработоспособном состоянии, с глубочайшего похмелья. Он бы давно избавился от Зубрилина, но тот был отменным специалистом и, что самое главное, не амбициозным. На ме-

сто начальника городского следствия Алексей Алексеевич не претендовал. Став временно исполняющим обязанности начальника городской милиции, Самойлов нового начальника следствия на свое место не назначил, оставив эту должность за собой. Зубрилин при новой расстановке сил как был заместителем начальника следственного отдела, так и остался им.

– Что за праздник вчера был? – с издевкой спросил Самойлов. – Двести лет граненому стакану?

– С женой поругался, – пробурчал Зубрилин, – хотел стресс снять...

– Ты, Алексей Алексеевич, пореже с супругой ругайся, – посоветовал начальник милиции. – А то я отправлю тебя старшим следователем в Кировский РОВД. Будешь там молодому поколению служебный и жизненный опыт передавать, пока тебя в таком состоянии начальник Кировского не заметит и не вышибет на пенсию.

– Я все понял, – вздохнул Зубрилин. – Больше не повторится.

«На прошлой неделе он так же клялся, – вспомнил Самойлов, – слово мне давал, и все без толку! Утвердят меня в должности, я спихну Зубрилина в областное УВД методистом и найду на его место другого человека».

Решив для себя судьбу Алексея Алексеевича, Самойлов вернулся к делам.

– По уму и по справедливости, – сказал он, – дело по

Грязеву надо поручить для расследования Воронову. Лаптев с памятником Ленину только-только закончил, и ему надо бы дать отдохнуть от политики. Но Воронов молод! Кому мы объясним, что он исключительно способный следователь? Никому. Скажут, пацана подсунули вместо опытного сотрудника. Поручим дело Лаптеву. Он майора первого числа получил – ему и карты в руки.

– Роман Георгиевич, Лаптев еще полгода в должности не отработал, потянет ли он такое дело?

– Он все потянет, – заверил Самойлов. – А если у Андрея Николаевича проблемы возникнут, то ты ему поможешь. Посмотри на меня!

Зубрилин вздрогнул от неожиданности, преданно и виновато посмотрел на начальника.

– На несколько дней освободишь Лаптева от текучки, – приказал Самойлов. – Воронова сильно не нагружай, держи в резерве. Если Лаптев начнет зашиваться, подключишь к расследованию его.

На столе у Романа Георгиевича зазвонил телефон.

– Да! – властно ответил он и тут же сбавил тон: – Владимир Васильевич, рад вас слышать! Что, что? Дело о нападении на Грязева? Я это происшествие на личном контроле держу... Следователя к вам послать? Прямо сейчас? Будет сделано.

Самойлов положил трубку.

– Красилов звонил. Требует к себе следователя, которому

поручено расследование дела.

– Сейчас все организуем...

– погоди! – раздраженно перебил Самойлов. – Проинструктируй Лаптева, чтобы ни в коем случае не вздумал с Красиловым пререкаться. Пускай с любой ересью соглашается, а мы потом разберемся, что к чему.

До августовского путча 1991 года Владимир Васильевич Красилов трудился в политотделе областного УВД, составлял планы партийно-политической и воспитательной работы с личным составом. Победа сторонников Ельцина в Москве повлекла за собой перестановку кадров в руководстве МВД. С небольшим опозданием волна кадровой чехарды достигла Сибири. Больших и маленьких начальников стали тасовать, как карты в колоде, периодически отбрасывая тех, кто был наверху, на пенсию или на периферию. Владимиру Васильевичу повезло – он занял кресло главного следователя области. Как ему это удалось? На все воля случая! На областной коллегии руководства УВД в присутствии московского гостя Красилов с таким убеждением говорил о необходимости демократических перемен в милиции, что через неделю из Москвы пришел приказ о его назначении на новую должность. Став начальником следственного управления, Красилов от излюбленной им темы планирования не отошел и стал творчески внедрять ее в новых условиях.

– Он профан и дебил! – оценил нового начальника следствия Воронов.

Целый день Виктор просидел на учебе молодых сотрудников следственных органов в областном УВД. Вернувшись, он поспешил поделиться впечатлениями с коллегами:

– Представьте, Красилов заявил, что каждый следователь обязан вести девять видов планирования. Девять!

– Сколько? – поразились коллеги. – Даже теоретически столько видов планирования не существует.

– Это еще полбеда! – продолжил Воронов. – Красилов считает, что планирование должно быть непрерывным. Сейчас объясню вам, как он представляет рабочий день следователя. С вечера я должен написать план работы на день. Утром перенести этот план в ежедневник и утвердить его у начальника следствия. На каждое следственное действие я должен иметь план проведения этого следственного действия. Ну как вам такой расклад? Спрашивается: а работать-то когда, если я целый день буду планы составлять и утверждать их у начальника? Никогда я планов расследования не составлял и не буду!

– Будешь! – возразил Лаптев. – Влепят тебе парочку выговоров за нарушение планирования, и начнешь на каждый допрос план составлять. Бюрократию, друг мой, ни плетью, ни обухом не перешибешь.

...Около двенадцати часов дня Лаптев был у Красилова.

– План по делу составил? – с порога спросил Владимир Васильевич.

Став начальником следствия области, Красилов начал об-

ращаться ко всем подчиненным на «ты» и по имени, невзирая на звания и на возраст. Даже своего заместителя, пятидесятипятилетнего полковника Безрядина, Владимир Васильевич при всех называл Иваном, а иногда и Ваней.

– Владимир Васильевич! – развел руками Лаптев. – Когда бы я успел план составить, если я дело пол часа назад получил? Как вернусь, обязательно план составлю.

– Копию плана вышли в контрольно-методический отдел, – напомнил Красилов. – Я проверю!

Лаптеву захотелось по-блатному щелкнуть ногтем по клыку и поклясться: «Зуб даю, к вечеру план сделаю!» Но он сдержался.

– Ты вот что... – подозрительно прищурился Красилов. – Ты объясни мне: как так получилось, что дело по памятнику прекратили вместо того, чтобы направить его в суд?

– Прокурор области решил, что в действиях Лотенко и его соратников нет состава преступления. Он прямо указал, что Лотенко не намеревался демонтировать памятник Ленину, а хотел предостеречь общественность от реставрации коммунистической диктатуры.

– На площади что, кроме Лотенко, людей не было? Направил бы в суд крановщика. Зачем он на автокране на площадь приехал? Явно же хотел памятник снести.

– Его бы суд оправдал, – уверенно возразил Андрей. – Если Лотенко не виноват, то крановщику вовсе нечего предъявлять.

– Что за местечковый подход к делу! – возмутился главный следователь области. – Сидите там, в городском, дальше своего носа ничего не видите. Если бы ты направил дело по обвинению крановщика в суд, то мы бы отпраповали в Москву, что изобличили опасного преступника и теперь его судьбу должен решить суд.

– Его бы оправдали, – стоял на своем Андрей.

– Ну и что? Нам-то какое дело? Если крановщика оправдали, значит, он суд подкупил, взятку кому надо дал.

– Кто? Крановщик?!

– Ну не я же. Ты что думаешь, у крановщиков денег нет? Все у них есть...

Красилов встал, прошелся по кабинету, остановился на-против портрета Горбачева на стене, посмотрел бывшему президенту в глаза.

– Когда власть поменялась, портрет Горбачева сняли, но я велел вернуть его на место, – сказал начальник следствия. – Когда я в чем-то сомневаюсь, то смотрю бывшему президенту в глаза и пытаюсь понять: что он сделал не так, что привело к распаду огромной и мощной державы? Чем больше я размышляю на эту тему, тем больше прихожу к выводу, что Михаил Сергеевич отдал государственное планирование на откуп некомпетентным лицам, и вот он, результат! В стране двоевластие, того и гляди анархия наступит.

Красилов вернулся на место и продолжил:

– Подвел ты нас, Андрей, с крановщиком! Не уследили

мы за тобой.

Лаптев промолчал. Оправдываться он не собирался.

– Это звенья одной цепи! – неожиданно перескочил на другую тему Красилов. – При планировании расследования надо исходить из того, что покушение на Грязева не единичный случай, а новый эпизод деятельности одной и той же шайки.

– Прошу прощения, – осторожно сказал Лаптев. – Какое звено было предыдущим? Памятник, что ли?

– Нет. Памятник – это закрытая тема. Первое звено, предшествующее нападению на Грязева, нам пока неизвестно, но его надо установить. Покушение на жизнь общественного деятеля не может возникнуть на пустом месте.

– Какое же это покушение! – не сдержался Андрей. – Подумаешь, дубинкой в лоб получил! Если бы его хотели убить, то там, на пустынной тропинке, господина Грязева бы до смерти забили, и никто бы не помешал.

– Как я устал с тобой, – вздохнул Красилов. – Кто тебе сказал, что его убить хотели? Для политической провокации необязательно кровь проливать. Достаточно продемонстрировать общественности беспомощность правоохранительных органов, и требуемый эффект будет получен. Теперь ты понимаешь, о каком звене я говорю?

Лаптев ничего не понял, но кивнул, согласился.

– В плане отметить. Первое: установить, случались ли раньше в городе бандитские нападения с использованием мили-

цейской дубинки. Здесь же, подпунктом: установить, где злоумышленник мог достать дубинку. Второе: установить, не случались ли ранее нападения на депутатов горсовета. Третье...

Красилов посмотрел на Лаптева, потом на часы, вспомнил, что пора поехать домой на обед, и решил закончить инструктаж.

– Третье – допишешь сам. План, согласованный с уголовным розыском и шестым отделом, представишь сегодня вечером...

– Я его согласовать не успею, – воспользовавшись секундной заминкой, вставил Лаптев.

– Хорошо! План представишь завтра утром. Сейчас иди, работай.

Вечером супруга спросила Андрея:

– Ты что такой довольный?

– Самойлов мне нападение на Грязева отписал. Лиза, меня ждет неделя сладостного безделья! Буду составлять планы, носить дело на проверку, выслушивать мудрые указания и ничегошеньки не делать! Допрошу потерпевшего, дам отдельные поручения и сяду за планирование.

– Так ведь потом с тебя раскрытие спросят.

– Потом, Лиза, все пойдет само по себе. Если Грязев кому-то перешел дорогу, то его еще раз по черепушке огреют, а если на него напал случайный хулиган, то дело потеряет политическую окраску и о нем все скоро забудут. Через неде-

лю, максимум – через две, станет понятно, что кроется за этим нападением.

– Участковые инспекторы не могут ему отомстить?

– Смысла нет. Городским бюджетом распоряжается глава города, а не депутаты. Градоначальник – на нашей стороне. Он прекрасно понимает, что если милиция пойдет вразнос, то власть в городе захватят воры в законе и их ставленники...

Лаптев прервался на полуслове, посмотрел на экран телевизора. Бегущая строка местных новостей сообщала, что известный депутат городского Совета Грязев был зверски избит по пути на работу.

«У кого в руках телевидение, тот владеет умами масс, – подумал Лаптев. – Сейчас же полгорода представляет, как известного народного избранника бандиты ногами бьют и приговаривают: „Вот тебе, сволочь, за то, что ты о народе день и ночь думаешь!“ Сдается мне, нападение на Грязева не связано с политикой. Бытовуха это или хулиганство, но только не борьба за власть».

В понедельник после развода Ефремов вызвал к себе Бериева. Разговор предстоял нелегкий, но Игорь подготовился к нему. Мысленно он накрутил себя до предела и был готов взорваться в любую минуту, если что-то пойдет не так.

– Лаврентий, – Ефремов специально обратился к коллеге не по имени, как обычно, а назвал его по прозвищу, что должно было подчеркнуть доверительный характер беседы, – дружище, у меня есть поручение, которое можешь выполнить только ты.

Бериев нахмурился. Ему не хотелось участвовать в каком-то сомнительном мероприятии, но и отказать начальнику он не мог.

– Есть такая девушка – Елена Кайгородова. Ей приблизительно 27 лет. Она наркоманка. Больше я про нее ничего не знаю, а хочу знать все. Абсолютно все.

Бериев записал данные девушки, отложил ежедневник в сторону, достал сигареты.

– Ты что-то недоговариваешь, – сказал он. – Установить какую-то наркоманку может и стажер, а ты меня к этому делу припрягаешь.

– Вполне возможно, что в связи с Кайгородовой всплывет имя Козодоева...

– Черт возьми, Игорь, мы же закончили с ним! – не дал

договорить начальнику Бериев. — Наплюй ты на этого мерзавца, и делу конец. Зачем заново ворошить эту тухлую историю?

— Все сказал? — с легкой, едва уловимой угрозой в голосе спросил Ефремов. — Теперь меня послушай. Я не собираюсь реанимировать дело, в котором поставлена точка. Даже две точки. Первая — это убийство Бурлакова, а вторая — убийство некоего Михаила Быкова, дружка и сообщника Козодоева. Тогда, десять лет назад, мы установили, что Быков в день убийства Бурлакова стоял на «атасе» у его подъезда. Но это нам ничего не дало, так как буквально через несколько дней после обнаружения трупа Бурлакова Быков бросился с двенадцатого этажа. Сейчас, после признательных показаний Козодоева, легко свести два этих события вместе и прийти к выводу, что Козодоев и Быков вместе ходили на «дело», а потом Сергей помог приятелю сигануть вниз. Скорее всего Быков решил сдаться, а Козодоев не мог допустить этого и убил дружка. Ты можешь упрекнуть меня и сказать: «Куда ты смотрел десять лет назад? Все ведь так очевидно было!» Я прав, Лаврентий? Прав. Сейчас любой может ткнуть в меня пальцем, а десять лет назад желающих поучить меня умуразуму не нашлось. Человек крепок задним умом, но мне то что прикажешь делать? По венам ножом полоснуть? Публично покаяться, расписаться в собственной несостоятельности? Я не буду этого делать. Я отброшу убийство Быкова в сторону и поставлю на нем точку. Жирную точку.

– Не горячись, Игорь! – попросил коллега. – Я ни в чем тебя не упрекаю...

– Слушай дальше! – не сбавляя возбужденного тона, продолжил Ефремов. – У меня есть информация, что Козодоев несколько лет назад совершил ряд грабежей.

Выражение «у меня есть информация» говорило обо всем и ни о чем одновременно. Бериев мог толковать его как угодно: «У Ефремова есть оперативная информация, источник которой он раскрывать не хочет» или «У Ефремова нет никакой информации, но он хочет придать своему поручению официальный характер».

– Одна из жертв его нападений – Кайгородова. Я хочу знать о ней все.

– Сделаю, – неохотно ответил Бериев.

– Нет, не так! – взревел Ефремов. – Мне не надо делать одолжений. Если ты не в состоянии установить какую-то наркоманку, то ничего не делай, но знай, что этот молодчик вновь выйдет сухим из воды. Он десять лет назад убил двух человек и не понес никакого наказания. Потом он взялся за грабежи. Зачем ему нападать на беззащитных девушек, я не знаю, но я не хочу, чтобы он чувствовал себя победителем.

Бериев хотел что-то возразить, но Игорь не дал ему рта открыть.

– Сейчас Сергей Козодоев стал во главе СГТС, – продолжил он. – Через несколько месяцев он продаст активы и сойдет за границу. Он побывает там, где ни я, ни ты никогда

не сможем побывать, потому что мы – нищие, а он – богач. Козодоев увидит Колизей, Эйфелеву башню, Биг-Бен, небоскребы Нью-Йорка. Он будет жрать омаров в лучших кабаках, пить вина столетней выдержки, проводить ночи с развратными манекенщицами. И он будет смеяться. Над тобой смеяться, надо мной, над всеми ментами в стране. Я не хочу, чтобы он еще раз избежал расплаты. Иди, Лаврентий, и забудь об этом разговоре. Сам все сделаю.

– Сколько у меня есть времени? – поднялся с места Бериев.

– До четверга.

После Лаврентия Ефремов вызвал Киселева.

– Есть наркоманка, зовут Кайгородова Елена. Она приблизительно 1965 года рождения. По моей информации, ее несколько раз грабили и избивали в последние годы. Мне надо поднять все материалы по этим происшествиям. Начни с Ленинского РОВД, потом проверь Центральный.

– Мне надо просмотреть *все* происшествия за несколько лет? – поразился Киселев.

– Что в этом сложного, друг мой? – поддел неопытного коллегу Ефремов. – Я тебя не мерзлую землю долбить отправляю. Ты будешь работать в тепле, за отдельным столом, с перерывом на обед. Работа предстоит не пыльная – листай книгу происшествий, выискивай знакомую фамилию. «Книга учета происшествий» – узкая. На одной странице помещается описание двух-трех происшествий. Тебе читать весь

текст не надо. Бросил взгляд на страницу, если не увидел нужную фамилию, то перешел на другую сторону. На разворот книги происшествий у тебя уйдет несколько секунд. Кайгородова – фамилия довольно редкая, так что ты наверняка не пропустишь ее.

– Все сделаю, Игорь Павлович! – пообещал Киселев.

Вечером Ефремов приехал в кафе, где работала официанткой Марина Федосеева. В обеденном зале почти все столики были пустыми – обнищавший народ не спешил расставаться со своими кровными рублями ради ужина в интимной обстановке. Федосеева в черном переднике сидела на высоком стуле у барной стойки. В ожидании клиентов она о чем-то вполголоса переговаривалась с барменом, высоким, спортивного телосложения, мужчиной. Увидев Ефремова, Марина напряглась, хотела направить к нему другую официантку, но, как назло, та была занята. Поморщившись, как от зубной боли, Федосеева подошла к столику, не глядя на Игоря, раскрыла блокнотик.

– Слушаю вас. Что будете заказывать? – спросила она.

– Где я живу, еще не забыла? – спросил в ответ Ефремов. – Завтра после работы жду тебя в гости.

– Завтра я буду занята, – холодно ответила девушка.

– Какая жалость! – сокрушился Ефремов. – В кои веки я зову тебя в гости, а ты не можешь прийти, ты вся в делах! Нехорошо старых друзей забывать. Тем более плевать в них не надо, может боком выйти.

– Ты мне угрожаешь? – с вызовом спросила Марина.

Она приготовилась дать отпор наглецу, но просчиталась. Ефремов знал, как сломать сопротивление девушки в одно касание, легким щелчком пальцев.

– Позвони хозяину кафе и скажи, что завтра к вам с проверкой придет санэпидемстанция. За ней следом – пожарная инспекция, потом – ОБЭП. Мои коллеги не успокоятся до тех пор, пока не вывернут ваш балаган наизнанку. Я пушу твоего хозяина по миру с голым задом, а уж он-то найдет, как отблагодарить тебя.

– Ты – подонок, – прошептала Марина.

Она была готова расплакаться от обиды, и первые слезинки уже набухли в уголках глаз, но тут за ее спиной началось какое-то движение, и она передумала. Бармен, по обрывкам разговора догадавшийся, что невзрачно одетый клиент издевается над официанткой, решил прийти ей на помощь. Неспешно, как хозяин положения, он подошел к столу и спросил:

– Какие-то проблемы, Марина?

– Проблемы у меня, – дерзко ответил Ефремов. – Сегодня я арестовал двух барменов, а где взять третьего – ума не приложу. Конец года, план горит, а у меня одного бармена не хватает. Ты не подскажешь, кого бы арестовать для полного комплекта?

– Этот человек из милиции? – спросил бармен у Марины. Федосеева обреченно вздохнула: «Да. Он из уголовного

розыска».

Бармен с презрением посмотрел на хамоватого гостя и ушел за стойку – протирать и без того чистые стаканы.

– Завтра в восемь! – приказным тоном уточнил время встречи Ефремов.

Марина промолчала. Игорь поднялся, подошел к барной стойке, заказал сто граммов водки.

Бармен с явной неохотой налил, подтолкнул стаканчик к клиенту. Ефремов, как заправский пьянчужка, залпом опрокинул стопку, но глотать водку не стал, а выпрыснул через губы содержимое стаканчика на барную стойку, на сверкающие чистотой фужеры, на белоснежную отутюженную рубашку бармена.

– Это что такое? – спросил он, вытирая тыльной стороной руки рот. – Почему от вашей водки ацетоном несет? Вы его для крепости добавляете?

Бармен растерялся от неожиданного наезда, ища поддержки, посмотрел на Марину. Она за спиной Ефремова покрутила пальцем у виска: «Ты дурак, что ли? Слышал же, что он – из милиции. Не мог настоящей водки налить?»

– Книгу учета товаров на стол! – жестко скомандовал Ефремов. – Я сейчас без всякого ОБЭП вас на чистую воду выведу. Ты, любезнейший, за то, что посетителей самопальной водкой травишь, годика на два в тюрьму заедешь. У тебя есть во что переодеться? Какую-нибудь телогрейку в подсобке поищи. В ИВС под голову положишь.

– Игорь Павлович, это недоразумение, – подошла к стойке Марина. – Сейчас мы все исправим.

Она кивнула на застекленный шкафчик с отборными напитками. Бармен понял ее, достал бутылку самого дорогого виски, налил почти целый стакан.

– Прошу вас! – дрожащей рукой он поставил виски перед коварным посетителем.

Ефремов хмыкнул, маленькими глоточками отпил половину, отставил стакан в сторону.

– Ровно в восемь! – напомнил он и вышел из кафе.

Бармен посмотрел ему вслед, потом на ополовиненный стакан.

– Вот ведь сволочь! – пробормотал он и стал переливать остатки виски обратно в бутылку.

На другой день Марина позвонила в дверь Ефремова ровно в восемь, словно дожидалась в подъезде оговоренного времени встречи. Игорь впустил девушку, принял из рук полиэтиленовый пакет, наполненный спиртным и продуктами.

– Хозяин кафе послал, – объяснила Федосеева.

Лет пять назад Игорь воспринял бы любой намек на взятку как оскорбление, но пронесшиеся над страной ветры перемен изменили его отношение к подаркам и подарочкам. Какой смысл выделяться, если все начальники в управлении принимают подношения от коммерсантов? На милицескую нищенскую зарплату с голода не умрешь, но сыт не будешь.

– Что послал этот злодей? – весело спросил Игорь и стал выставлять на стол гостинцы: бутылку джина «Бифитер», закуску – копченую курицу, импортную колбасу со стручком фасоли внутри, острый соус, лаваш, пучок свежей зелени.

– За бутылку – особое спасибо! – поблагодарил Ефремов.

– Тебе нравится этот джин? – удивилась Марина.

– Ни разу в жизни не пробовал, – признался оперативник. – В первый раз я увидел такую бутылку подростком в гостях у одного приятеля. Мы попробовали по чуть-чуть, оказалось, что в ней – самогон. Через год, на гулянке, я вновь попробовал «Бифитер», и снова он оказался обычным самогоном, но уже от другого «производителя». С тех пор меня мучает вопрос: что в эти бутылки изначально наливают, не самогонку же?

– Надеюсь, у моего работодателя проблем с проверками не будет?

– «Надейся и жди!» – ответил хозяин квартиры словами из песни. – Я к нему никого посылать не буду, а за других не ручаюсь.

Пока Ефремов рассказывал о знакомстве с «Бифитером», Марина собрала на стол. Принесенных продуктов хватило на достойный ужин на двоих, заглядывать в хозяйский полупустой холодильник не пришлось.

Выпив и поев, Игорь приступил к делу:

– Помнишь того лейтенанта, который позвал тебя в опорный пункт?

– Еще бы! Это же он заманил меня в ловушку.

– Ловушку тебе подстроил я, а лейтенант Киселев слепо исполнял мои указания, не зная, что будет дальше. Марина, я хочу, чтобы ты ненавязчиво встретила с ним и пожаловалась на судьбу. Во всех своих бедах обвинишь Козодоева. Он тебя соблазнил, развратил и выгнал с работы, когда ты ему разонравилась. Короче, разыграешь перед ним трагедию о наивной девушке и хозяйском сынке-подлеце.

– Час от часу не легче! – возмутилась Марина. – Ты считаешь меня своей личной проституткой? С кем скажешь, с тем я в кровать должна лечь?

– Марина, работа в кафе пагубно сказывается на твоих умственных способностях. Разве я сказал, что ты должна с ним переспать?

– Как же я должна его разжалобить? – удивилась девушка. – По дороге на работу о моем увольнении рассказывать? Ефремов задумался.

– Ты права, – решил он. – Для откровенного разговора надо создать соответствующую обстановку... О, придумал! Я поручу ему один вечер охранять тебя. Он пойдет провожать тебя до дома, тут-то ты и разоткровенничаешься, поплачешься ему в жилетку. Марина, мой коллега, лейтенант Киселев, – недалекого ума человек. Он витает в выдуманном им мире, где царят идеалы справедливости и доброты. В нем переизбыток заботы о человеке. Он каждую минуту рвется помогать кому-то, а помогать некому – старушки нынче са-

ми научились через дорогу переходить.

– Ты думаешь, Киселев мне поверит?

– Если ты переспишь с ним, то нет, а если не дашь до себя дотронуться, то – да.

– Какой странный вывод.

– Марина, не буду вводить тебя в заблуждение и скажу так, как есть. После провокации с наркотиками Киселев пришел ко мне с разборками: он обвинил меня в беззаконии. Но я быстро поставил его на место. Мне пришлось сказать примерно так: «Марина Федосеева – бесправная наложница Козодоева, вынужденная удовлетворять все его прихоти».

– Какой же ты все-таки негодяй! – высказалась Марина. – Перед незнакомым человеком меня проституткой выставил.

– Мариночка, солнышко, посмотри на меня! Тебя кто-то в СГТС за порядочную девушку считал? Если ты была таким ценным работником, то почему же тебя Сергей Козодоев первой выгнал? Ты, Марина, сбавь обороты. Норов свой в другом месте показывать будешь, а сейчас ответь мне: ты помнишь, как я из-за тебя пистолет доставал? Я ведь вполне серьезно думал, что стрелять придется. Потом... что было потом, вот в этой самой квартире, ты помнишь?

– Я не хотела, – тихо ответила Федосеева. – Прости.

– Я редко чувствую себя дураком, но после твоего ухода мне от бессилья и унижения на стены бросаться хотелось. Подумать только: я тебе предложил серьезные отношения и услышал в ответ, что со мной, с нищим, встречаться можно,

а вместе жить – нет.

– Еще раз прости, и давай забудем об этом, – попросила Марина.

– Уже забыли, – согласился Игорь.

«Я действительно виновата перед ним, – подумала Федосеева. – Сейчас, чтобы окончательно не рассориться, придется пойти на уступки, иначе он лишит меня и этой работы».

– Скажи, что я должна сделать? – спросила Марина.

– Ты вскользь напомним Киселеву о деле с наркотиками, но будешь настаивать, что в эту историю ты влипла исключительно из-за своей связи с Козодоевым. Потом пожалуешься ему на свое бедственное положение и во всем вновь обвинишь своего бывшего босса. Если Киселеву вдруг захочется тебя поцеловать и пожалеть, то ты грубо оттолкнешь его и скажешь...

– Неужели вы все одинаковые! – с надрывом ответила Марина. – У вас только одно на уме. Для вас все женщины как тряпки. Только ноги о нас вытирать научились.

– Браво, Марина! Оскорбленная невинность – лучшее оружие женщины. Мне, кстати, от вашего общения никакого конкретного результата не надо. Я хочу, чтобы ты подготовила почву, пропитала ее ненавистью к Козодоеву. Остальное я сделаю сам.

– Ты снова хочешь заняться Сергеем? – догадалась Федосеева. – Я думала, что с ним все закончено.

– Остался один небольшой штрих, и я, как добросовест-

ный работник, должен его закончить.

– Жаль! Я была бы не против поквитаться с ним. Отплатить за все «хорошее».

– После встречи с лейтенантом забудь о Козодоеве, словно его никогда не было в твоей жизни. Через несколько месяцев он навсегда покинет Россию, и даже духа его здесь не останется.

– И все же...

– Выброси глупости из головы! Сергей Козодоев сейчас очень влиятельный человек. Захочешь ему дорогу перебежать – он раздавит тебя и не заметит, что была девушка Марина, и вот ее больше нет!

– Разве ты за меня не заступишься?

Не дожидаясь ответа, Марина встала, выключила свет. Ефремов принял приглашение.

Ночью он проснулся, прижал Марину к себе и подумал: «Может, ну ее к черту, эту Римму Витальевну? Скажу Марине перебираться ко мне, и она переедет. С Козодоевой неизвестно как карты лягут, а Марина-то вот она, вся моя: грешная, порочная, но такая славная! Чего еще в жизни надо?»

Игорь поднялся, пошел на кухню попить воды. На столе, как символ неведомой красивой жизни, поблескивала в уличном свете полупустая бутылка джина «Бифитер».

«Если жизнь дает мне шанс разбогатеть, то его нельзя упускать. Попробую поймать журавля в небе. Марина, если

на то пошло, никуда от меня не денется».

В среду, 23 декабря, Лаптев закончил составление чистового варианта плана расследования уголовного дела по факту нападения на Грязева. Начальники служб городского УВД согласовали план не глядя. Самойлов, зная, что план ляжет на стол Красилову, текст прочитал и пришел в изумление:

– Как ты себе это представляешь: «Провести ревизию спецсредств на складах областного УВД, проверить наличие изделий ПР-73, выданных сотрудникам УВД для несения службы»?

– Никак, – честно признался Андрей. – Проверить все душки – на складах и выданные на руки, по-моему, нереально. Но я же не собираюсь сам по складам лазать. У меня в плане написано: «Ответственный за исполнение – хозяйственное управление областного УВД». Пускай они голову ломают, как ревизию проводить.

– А вот этот пункт плана... Хотя ладно, черт с ним! Красилову твой опус наверняка понравится. Он любит, когда все по пунктам и подпунктам расписано.

Самойлов утвердил план. Андрей отнес его в секретариат следственного управления областного УВД. Через час с ним ознакомился начальник следствия области и вызвал всех до единого сотрудников контрольно-методического отдела.

– Посмотрите, посмотрите, что он пишет! – потрясая

восьмистраничным планом, возбужденно выкрикнул Красилов. – Вот образец, как надо подходить к делу! Лаптев все предусмотрел, все версии расписал и назначил исполнителей, со всеми заинтересованными службами согласовал. Читая его план, я почувствовал, что Лаптев душой болеет за раскрытие этого опасного преступления. Кто у нас ответственный за финансы? Выпишите Лаптеву премию по итогам года. План, составленный Лаптевым, размножить и раздать всем сотрудникам контрольно-методического отдела в качестве образца... Так, что еще? Лаптева вызовите ко мне на завтра. Я думаю, что нечего ему в городском управлении штаны просиживать. Пора поручить ему серьезную работу.

Красилов, прищурившись, посмотрел на начальника контрольно-методического отдела Щипачкину. Пятидесятипятiletняя Галина Трофимовна почувствовала, что обречена.

«Вечно этот гад Красилов ко мне придирается, – подумала она. – Выгонит на пенсию, а на мое место назначит Лаптева, этого выскочку и бумагомараку. Это же надо додуматься – план на восьми листах расписать! Ни одного человека еще по делу не допросил, ни одну экспертизу не назначил, а Красилов уже премию ему выписал».

После ухода методистов в кабинете Красилова остался его заместитель, отвечающий за работу с личным составом.

– Владимир Васильевич, – сказал он, – все премии до конца года расписаны. Свободных средств на счетах УВД нет.

– Щипачкина в списках на поощрение по итогам года

есть? Список надо изменить, вместо Щипачкиной включить Лаптева.

– Нехорошо получится, – мягко возразил заместитель. – Галина Трофимовна двадцать пять лет в следствии отработала, а мы ее по итогам года не поощрим?

– Я не знаю, как она работала до меня и чем занималась, но за этот год ее поощрять не за что. Указания по планам следователей написаны как под копирку, от них за версту формализмом разит. На мой взгляд, Галина Трофимовна работает спустя рукава, без задора, без огонька.

– В политуправлении области нас не поймут, – упорствовал заместитель. – Лаптев, без сомнения, отличный работник, перспективный, но за Щипачкиной – годы безупречной службы, и мы должны проявить уважение к ним.

– Черт с ним, убедил! – рубанул ладонью воздух Красилов. – Вместо премии наградим Лаптева почетной грамотой. Но смотри у меня, – он погрозил пальцем заместителю, – чтобы не получилось, как в прошлый раз! Подсунули мне грамоту с профилем Ленина и красными знаменами. Награждаемый наверняка подумал, что у нас где-то с советских времен грамоты завалились и мы не знаем, кому их всучить.

Щипачкина, придя к себе, набрала номер Лаптева.

– Андрей Николаевич, – по-змеиному вкрадчиво спросила она, – ты, часом, на мое место не прицелился? Зачем ты план на восьми листах расписал? Кто его выполнять будет?

– Отвечу по порядку. Первое: я – практик. Я предпочитаю

сам расследовать уголовные дела, а не учить других, как это надо делать. Теперь – второе. В плане расписаны исполнители и сроки исполнения. Моя задача – контролировать сроки и качество исполнения поручений. У Владимира Васильевича замечания по плану были?

– Будут! – психанула Щипачкина и бросила трубку.

Воронов, прислушивавшийся к разговору, удивился:

– Это ты Щипачкиной намекнул, что она ни фига не делает, только указания другим раздает? Зря ты себе врагов в областном управлении наживаешь.

– Пока у руля Красилов, я для Галины Трофимовны вне досягаемости. Что она мне сделает? На ошибки в планировании укажет? Ну-ну, посмотрю, где она пробел в моих планах найдет. Щипачкина вовремя не перестроилась и современным словоблудием не владеет, а я в нем – ас!

Воронов засмеялся.

– Расскажу тебе прикольный случай, – сказал он. – Был у нас в хабаровской школе требовательный преподаватель истории КПСС по фамилии Шеронов. Получить у него пятерку на уроке было практически невозможно. Для отличной оценки надо было выучить все труды Ленина и Маркса близко к тексту и даже научиться читать «между строк». Например, нигде толком не сказано, чем буржуазная революция отличается от буржуазно-демократической, а на уроке это надо было знать, иначе двойка гарантирована. Так вот, как-то я подумал: «Что сейчас Шеронов делает, как он историю препода-

дает?» Ты знаешь, я понял. Ему не надо переучиваться и переписывать конспекты лекций. Ему просто-напросто нужно перед словом «коммунисты» вставлять слово «проклятые». Получится примерно так: «Собрались проклятые коммунисты на свой съезд и постановили...» Дальше можно все по предыдущему тексту, но смысл получится уже другой, современно-демократический.

После обеда к Лаптеву зашел Зубрилин.

– Андрей, – тихо сказал он, – скоро проверка, надо журнал воспитательной работы заполнить.

Лаптев посмотрел на трясущиеся с перепоя руки Зубрилина, забрал журнал, кивнул: «Сделаю!» К вечеру Андрей взялся за воспитательную работу. Воронов, услышав короткий смешок, оторвался от бумаг, посмотрел на развеселившегося соседа и спросил:

– Что смешного вычитал?

– Заполнять журнал воспитательной работы – скучнейшее занятие, но как представишь, что описанные в нем события происходили на самом деле, то становится весело. Журнал этот придумали дебилы для дебилов. Сейчас я тебе зачитаю, и ты сам убедишься. Смотри, я считаюсь молодым сотрудником, так как в следствии работаю только третий месяц. Наставник у меня – Зубрилин. В этом журнале он записывает, какую воспитательную работу провел со мной. Читаю запись за прошлый месяц: «Посетил семью Лаптева. Разъяснил его жене трудности милицейской службы». Представь, пришел

ко мне Зубрилин и говорит: «Лиза, не обижай мужа, а то сопьется, как я».

– У меня тоже есть наставник? – спросил Воронов. – Кто? Калинина? Я ее на порог не пущу.

– Бесполезно, уже пустил. В прошлом месяце она была у тебя и рассказывала твоим родителям о трудностях работы в милиции. Жены у тебя нет, так что Калинину пришлось выслушивать маме с папой.

– погоди, а если бы я жил один, тогда кому бы Калинина лапшу на уши вешала?

– Не знаю, – подал плечами Лаптев. – Наверное, соседям. В образцах, кстати, такой вариант не предусмотрен, а журнал заполняется строго по образцу. Сейчас зачитаю мой любимый абзац. «Поинтересовался у Лаптева, что он читает. Выяснил – фантастику. Посоветовал, что читать». Это Зубрилин пишет, что он мне советует читать.

– Почему фантастику?

– Потому, что так в образцах заполнения журнала записано.

– Подожди, а если следователь – девушка и она читает любовные романы, тогда что Зубрилин может посоветовать?

– Посоветует фантастику. Витя, ты пойми: читать ты можешь хоть порнографические рассказы – в журнале будет записано, что ты читаешь исключительно фантастику. Так в образцах, так придумал тот идиот, который разработал правила ведения журнала воспитательной работы. Представь, в

каждом подразделении милиции нашей страны есть журнал воспитательной работы, и в нем все наставники пишут одно и то же: «Побывал дома, посоветовал фантастику».

– В журнале есть какой-нибудь негатив? Типа: «Пришел на работу с перегаром. Посоветовал не пить всякую гадость и лучше закусывать»?

– Небольшой негативчик есть. Если у тебя сотрудник пьет как свинья, или он исключительно тупой, или ленивый, то в образцах предусмотрена такая запись: «Сделал замечание о небрежном внешнем виде». Когда я работал в уголовном розыске, то у меня был в отделении сотрудник, от которого я не знал как избавиться. Я ему каждый месяц про внешний вид писал, думал, хоть кто-нибудь из проверяющих заинтересуется, но тщетно! Придет из областного управления пузатый полковник, полистает журнал, почитает про фантастику и успокоится.

Лаптев захлопнул журнал, посмотрел на коллегу.

– Все это ерунда, Витя! Раз в месяц заполнить по образцам страничку воспитательной работы труда не составляет. Ты, когда пойдешь домой, посмотри на пристройку к управлению. К марту ее обещают сдать в строй. Посчитай окна и прикинь, сколько сотрудников будет в ней работать.

– Ты посчитал?

– Конечно! На фасаде пристройки шесть больших окон и два маленьких. В пристройке пять этажей. На первом будет новая дежурная часть, на втором – кадры, на третьем – ру-

ководство, на четвертом – штаб и на пятом – вычислительный центр. Если судить по окнам, то в штабе будет работать примерно тридцать человек. Сейчас их шестеро, а будет в пять раз больше. Представь, что будет в марте после увеличения штатов! Тридцать бездельников, которым надо каждый день выдумывать себе работу. Они засыпят нас требованиями представить к строго оговоренному сроку планы, справки, отчеты. На нас обрушится вал никому не нужной бумажной работы. Нас с тобой, простых следователей, этот вал не сильно накроет, а вот Зубрилину хана наступит. Он забудет, как уголовные дела выглядят. Будет целыми днями планы составлять и отчеты о выполнении этих планов писать. Всепожирающая бюрократия! Она не признает здравого смысла, она презирает настоящую работу. Бюрократы из штаба считают, что мы, следователи, – тунеядцы, которым лень вовремя написать отчет о проделанной работе. Многие из штабных писак живого преступника в глаза никогда не видели, а звезды на погоны получают без задержки и не стесняются в офицерской форме ходить. Вот такие-то дела, брат! Заселят пристройку – закончится наша спокойная жизнь.

– Дай-ка я про себя журналчик заполню, – попросил Воронов. – Ничего, что почерк будет отличаться? Почерк никто не сверяет, можно при случае жене дать заполнять? Понятненько. Андрей, если скандал поднимется, то нагоняй кому будет: Зубрилину или Калининой? Калининой? Отлично, пусть она отвечает за то, что хреново со мной воспита-

тельную работу проводит. Я у нее в прошлый раз попросил копирку² взаймы. Она не дала. Пожадничала. Так-с. Где тут графа про фантастику? Запишем: «Поинтересовалась, что читает. Выяснила – русские народные сказки. Посоветовала прочесть „Куручку Рябу“ и „Колобок“».

В январе 1993 года проверяющий из областного управления просмотрел журнал воспитательной работы, остался доволен аккуратностью записей в нем и оставил визу на обложке: «В архив». Чудачества Воронова про Куручку Рябу проверяющий не заметил.

В четверг Лаптев был у Красилова, выслушал предложение о переводе в контрольно-методический отдел и отказался, сославшись на недостаточный опыт работы в следственных органах.

– Жаль, – искренне сказал Владимир Васильевич. – Но ничего! Через годик поднатореешь, и я заберу тебя в областное управление. Мне толковые следователи нужны как воздух!

² Копировальную бумагу.

В среду утром Ефремов отозвал Киселева из Ленинского РОВД.

– Планы поменялись, – сообщил он. – Из областного управления пришло указание – взять под охрану одну гражданку...

Ссылка на вышестоящую организацию была бесприкрытым вариантом. Областное управление частенько подкидывало задачи, сущность которых не объяснялась.

Ефремов раскрыл ежедневник, сделал вид, что просматривает записи.

– О, нашел! – обрадованно сообщил он. – Это некая Федосеева Марина Геннадьевна, 1970 года рождения. Да ты ее знаешь! Мы как-то у нее наркотики изымали в опорном пункте.

Киселев, с энтузиазмом приготовившийся выполнить необычное задание, поскутнел. Встречаться с Мариной ему не хотелось.

– Возьмешь ее под охрану в 22.00 и проводишь до дома, но перед тем, как войти в кафе, проверь дворы вокруг – не крутятся ли там подозрительные личности. И учти! С головы Федосеевой не должен упасть ни один волос. Иначе нас обоих областники линчуют.

Киселев вздохнул и пошел получать в дежурную часть

оружие. Ему в отличие от Бериева и Ефремова на постоянное ношение пистолет не выдавали.

Марина позвонила на следующее утро.

– Я ничего не смогла сделать, – доложила она. – Этот твой Киселев сухарь какой-то. Его невозможно разговорить. Я к нему и так, и эдак, а он – молчок, только по сторонам озирается, словно за каждым углом по наемному убийце сидит. Я попробовала...

– Марина, это не телефонный разговор! – перебил Ефремов. – Вечером встретимся у меня, расскажешь.

Не успел он положить трубку, как вошел Киселев с докладом:

– Двое подозрительных парней крутились у кафе, заметили меня, пошептались и ушли. Мне написать рапорт с их приметами?

– Обязательно!

Киселев писал рапорт целый час. Ефремов ознакомился с ним, похвалил коллегу за бдительность и цепкую память.

– Федосееву охранять больше не надо. Сегодня займись текучкой, а завтра, с утра, продолжи работу по Кайгородовой.

– Рапорт зарегистрировать? – спросил Киселев.

– Не надо. Областники его так заберут.

После ухода коллеги Игорь разорвал рапорт на мелкие кусочки и выбросил в урну. Приметы случайных парней его не интересовали.

В девять вечера Марина вновь была у Ефремова.

– Представь, как было дело, – продолжила она прерванный утром рассказ. – Я оделась, как нищенка. На меня на работе все с сожалением смотрели, подумали, наверное, что я совсем опустила, последнюю дубленку продала и в поношенный пуховик переделась. К десяти появился Киселев, сел за дальний столик, заказал чашку кофе, а когда настала пора расплатиться за заказ, чуть не заплакал. Он, наверное, думал, что у нас кофе стоит, как стакан чая в буфете на вокзале, а у нас кофе отборный молотый по семьдесят рублей чашка. Короче, он полез за деньгами, я ему шепнула: «Не надо платить! Я спишу заказ». Что ты думаешь? Этот козел даже «спасибо» не сказал.

– Он прочувствовал, что косвенно виноват в твоём «падении»?

– Если он разбирается в женских нарядах, то он должен был пожалеть меня. Пуховик, который я надела, в двух местах зашит. У меня в нем мама собаку по утрам выгуливает.

– Когда я дал Киселеву задание охранять тебя, у него настроение на неделю вперед пропало. Вот что значит – у человека есть совесть! Ему ведь до сих пор стыдно перед тобой. Он, часом, обниматься к тебе не полез?

– Я его возле кафе под руку взяла, так он ненавязчиво высвободился и всю дорогу шел на «пионерском» расстоянии.

После ужина Ефремов нашел подходящий момент и завел разговор о внутреннем устройстве СГТС.

– Марина, ты же не успела закончить институт?

– Зачем ты спрашиваешь, если все про меня знаешь?

– Да так, вспомнилось, как ты рассказывала в опорном пункте о руководстве СГТС. Я тогда поразился, что ты, простая секретарша, посвящена в скрытые механизмы управления фирмой.

– Ты все-таки решил под Козодоева яму вырыть? Какой ты, Игорь, двуличный. Мне говоришь: «Забудь о Козодоеве», а сам при первом удобном случае о нем речь заводишь.

– Не путай Сергея Козодоева и СГТС. «Сибгазтранссервис» – это единственная фирма, с которой мне пришлось столкнуться, и на ее примере я хочу понять, как современная экономика функционирует, какую деятельность ведут акционерные общества.

– Какая там деятельность! – в сердцах воскликнула Федосеева. – Воруют все, кто что может, вот и вся деятельность. Современная экономика основана на обмане: или ты кинешь деловых партнеров и заберешь всю прибыль себе, или они тебя кинут и по миру пустят.

– Беловоротничковая преступность – загадка для меня. Я теоретически понимаю, что можно без ножа и пистолета целую фирму обобрать, а как это происходит – ума не приложу. Акции, транзакции, доли в уставе – сам черт ногу сломит! А ведь есть люди, которые в этом разбираются.

– Что ты хочешь узнать о СГТС? – заинтересовалась Марина.

– Когда я думаю о внутреннем конфликте в «Сибгазтранс-сервисе», то мне на ум, кроме бандитских разборок, ничего больше не приходит. Другого способа поделить имущество я не представляю. Смотри: мать и сын делят фирму. Совладелец СГТС, Владимир Козодоев, лежит при смерти. Почему бы не прикончить его и не поделить его долю? Для Риммы Витальевны смерть мужа выгодна со всех сторон.

Марина попросила лист бумаги и стала рассказывать, попутно рисуя доли в уставном капитале СГТС.

– Фирма принадлежит трем физическим лицам: отцу, матери и Сергею. Оксана, дочь Риммы Витальевны, доли в фирме не имеет. Сто процентов уставного капитала на троих ровно не делится, так что изначально у отца было 33,34 процента, и его голос был решающим. Сейчас он в коме, и если умрет, то его доли будут разделены поровну между наследниками первой очереди: женой, дочерью и сыном. Римма Витальевна и дочь выступают единым фронтом против Сергея, так что ему смерть отца никак не выгодна. Чтобы папаше врачи «случайно» кислородный аппарат не отключили, он посадил к нему в палату круглосуточную сиделку-вьетнамку. Вернее, сиделок две или три, но они все на одно лицо и одного возраста, так что выглядят совершенно одинаково.

– Дай прикину, – попросил Ефремов. – Если Владимир Семенович умрет, то $\frac{2}{3}$ его доли в уставном капитале уйдут блоку «мать-дочь». Что с того, в чем катастрофа?

– Я же рассказывала тебе, как управляется СГТС. Всем

единоличноправлял отец. Сергей был при нем праздным бездельником, который только числился заместителем генерального директора. Но по уставу фирмы в отсутствие отца именно Сергей исполнял его обязанности. Сейчас Владимир Семенович выбыл из игры, и все рычаги управления оказались у Сергея. Сместить его с должности может только собрание акционеров, а их осталось двое: он и мать. У них равное число голосов, так как акций фирмы у них ровно по 33,33 процента. После смерти отца треть его акций отойдет к дочери, она передаст их матери, и та сместит Сергея.

– Она сможет сместить его только через полгода, после смерти наследодателя. Если Козодоев-старший умрет завтра, то поделить его имущество они смогут только летом следующего года. К этому времени Сергей продаст фирму и смоемся за границу.

– Мать наложит арест на счета СГТС и заблокирует продажу до решения о наследстве.

– Откуда ты все знаешь? – подивился Ефремов. – Тебя уже второй месяц в СГТС нет, а ты владеешь информацией так, словно каждый день сводки о состоянии дел получаешь.

Марина была польщена. Она покровительственно улыбнулась Игорю:

– Меня же не одну из СГТС выгнали. Я встречалась с бывшим начальником службы безопасности СГТС Алексеевым. Он держит руку на пульсе и мечтает отомстить Сергею за увольнение.

– Встречалась... – нахмурился Ефремов.

– Ничего такого, о чем ты подумал, – заверила Марина. – Мы посидели в кафе, поболтали, вспомнили о совместной работе и разошлись: он – к жене, я – к родителям.

– Вернемся к бандитизму, – предложил Игорь. – Почему бы Римме Витальевне не устранить сына? Наняла бы убийцу и решила бы все проблемы одним махом.

– Можно подумать, у нас в городе убийцы на площади Советов с табличками в руках стоят: «Убью любого по сходной цене». Это ты можешь убийцу найти, а она где его возьмет? Объявление в газете даст?

– Ерунда! В наше время киллера нанять не проблема.

– Хорошо. Давай представим, что Сергея убили. Тогда его долю надо будет разделить между четверьмя наследниками: отцом, который в коме, мать, женой и дочерью. Ты не забыл, что у Сергея есть жена, с которой он не разведен, и дочь? Сейчас они носа не показывают, живут тихо-тихо, но если его не станет, то тут же заявят о своих правах. Жена Сергея не дура, чтобы от его наследства отказываться. Тысяч сто долларов ей хоть как причитается.

– Что-то много заломила, – неуверенно возразил Ефремов.

– Считай сам! – разошлась раззадоренная Марина. – Рыночная цена СГТС – миллион долларов. Подели на три, а потом одну треть еще раз пополам, сколько получится?

– Тысяч сто шестьдесят с копейками, – мгновенно посчи-

тал оперативник.

– Мне бы такие копейки! – возмутилась Федосеева. – Шесть тысяч долларов для тебя не деньги? Переведи свою зарплату в баксы, сколько получится?

– Один раз перевел. Получилось – не очень, – напомнил Ефремов о неприятном для Марины разговоре.

Девушка поняла, о чем он говорит, и обиделась. Она от чистого сердца хотела помочь Ефремову разобраться в уставном капитале СГТС, а нарвалась на неприятности.

Игорь не собирался ссориться с ценным источником информации. Он в знак примирения чмокнул Марину в щеку, ласково погладил ее по спинке.

– Перестань. Я не хотел, но разговор о зарплате ты сама начала.

Больше в этот вечер о делах они не вспоминали.

В пятницу Бериев доложил о проделанной работе:

– Кайгородова Елена Петровна, 1965 года рождения, уроженка нашего города. Вот ее фото. – Он выложил на стол фотокарточку с отметкой фотосалона «Тайга» в углу.

– Какой у нее печальный взгляд! – удивился Ефремов. – Ее что, перед фотосалоном обворовали?

– Да нет, похоже, она всегда была такая: грустная, задумчивая, незащищенная.

Елена Кайгородова была запечатлена на фотографии в положении «классический полуоборот», или «три четверти». При такой съемке опытному фотографу удастся скрыть мелкие дефекты лица и подчеркнуть глаза человека на портрете. Как ни странно, в фотосалон Кайгородова пришла в школьной форме с комсомольским значком на груди.

– Если бы я встретил такую девушку и она бы попросила меня помочь, я бы, не задумываясь, пошел за ней, – оценил Кайгородову Ефремов. – Есть в ней что-то по-детски незащищенное и трогательное. Представляю, как за ней мальчишки бегали в школьные годы. Сколько ей здесь лет? Семнадцать? Странно, что я ее совершенно не помню. Я посмотрел свои записи за ноябрь-декабрь 1982 года. У меня стоит в плане допросить Кайгородову, а вот вызывал я ее или нет, уже не помню.

– Могу тебя заверить, вот этой милой девушки, – Бериев постукал пальцем по фото, – вот этой печальной красавицы больше нет.

– Рассказывай! – потребовал Игорь.

– Жизнь Елены Кайгородовой делится на две части. В первой – нет ничего необычного или интересного, а вторая начинается 1 января 1988 года. В тот день за праздничным столом сидели родители Елены и гости. Под утро матери стало плохо, защемило сердце. Елену послали на улицу – найти работающий телефон-автомат и вызвать «Скорую». Но сам понимаешь, как в новогоднюю ночь «Скорая» работает! Короче, пока девчонка бегала по микрорайону, пока звонила, пока «Скорая» выехала на вызов, матери стало хуже, и отец принял решение самостоятельно доставить ее в больницу. Один из гостей, приехавший на праздник на личном автомобиле, вызвался помочь. Он, слегка пьяный, сел за руль, отец Кайгородовой – рядом, мать – на заднее сиденье. При повороте на областную больницу автомобиль занесло на скользкой дороге, и они врезались в столб. Отец умер на месте, водитель и мать сильно не пострадали.

– Место рядом с водителем – самое опасное. При аварии шофер инстинктивно поворачивает влево и подставляет переднее пассажирское место под удар.

– Слушай дальше! Мать после обследования травматологом кладут в реанимацию кардиологического отделения. Две недели она борется за свою жизнь, идет на поправку, и

ее переводят в общую палату. Дочь все это время не могла увидеться с матерью – врачи не пускали. Наступает момент встречи, и мать умирает на руках у Кайгородовой. Вскрытие показало, что у нее после аварии оторвался тромб, блуждал по организму и дошел до сердца в самый неподходящий момент. Картину представил? Девчонка только что похоронила отца, и на тебе! Прямо у нее на руках! Короче, Кайгородову из кардиологии увезли в психушку и продержали там два месяца, пока она в себя не пришла. Дальше – больше. Девушка возвращается домой, а там – голые стены! Пока она лечилась, вору из квартиры все вынесли, только громоздкую мебель оставили.

– Преступников нашли?

– О краже никто не заявлял. Кайгородову прямиком из отчего дома вернули в психбольницу и держали там до мая месяца. Врачи бы раньше ее выписали, но куда? Представь: у девчонки ни вещей, ни документов – ничего нет. И тут происходит чудо – ее из больницы забирает родной брат, откинувшийся из зоны раньше времени. Брата Кайгородовой зовут Евгений, он на восемь лет старше ее. Судим дважды за кражи. Во время второй ходки подсел на наркотики и чуть не раскрутился на новый срок, но в самый разгар разбирательств руководство колонии узнало о гибели его родителей и подало документы на условно-досрочное освобождение. Я говорил с одним очевидцем его возвращения. Он утверждает, что Евгений вернулся с пачкой денег в руках. Где он их

раздобыл – неважно, суть вот в чем: сразу же после возвращения Евгений организует у себя дома наркоманский притон. Сестра поначалу сопротивлялась, а потом подсела на иглу и стала проституткой. Не уличной проституткой, а такой, домашней. Брат сдавал ее на ночь за небольшие деньги, которые тут же тратили на наркотики. Короче, после возвращения брата девушка Лена исчезла, а появилась опийная наркоманка по кличке Кася. У ее брата кличка Жекася. Кася – скорее всего производное от их фамилии.

– Печальная история. Что дальше?

– У Кайгородовых была двухкомнатная квартира на улице Волгоградской. К концу 1988 года денег на наркотики стало не хватать, торговать «дурью» брат с сестрой еще не научились, и они поменяли квартиру на двенадцатиметровую комнату гостиничного типа. Как квартиры на гостинки меняют, знаешь?

– Знаю. Так называемый «обмен с доплатой», завуалированная форма продажи жилья.

– Летом 1989 года, – продолжил Лаврентий, – Кайгородовы меняют гостинку на частный дом. Я проверил адрес, куда они должны были заселиться. Этот частный дом сгорел еще шесть лет назад. Фактически они продали гостинку, не получив никакого жилья взамен. С 1989 года Кайгородовы кочуют по притонам, живут где придется.

– Сколько она на игле сидит? Три с половиной года? – подсчитал Ефремов. – Как она до сих пор не сдохла от такой

жизни?

– За последние два года она четыре раза «омолаживалась»³.

– Обалдеть! Где она направление брала? К наркологу по месту прописки ходила?

– «Нет повести печальнее на свете, чем повесть о Ромео и Джульетте», – стихами Шекспира ответил Бериев. – Жил у нас в городе сорокапятiletний холостяк по фамилии Евдокимов. В конце 1989 года он лечился от алкоголизма. В больнице познакомился с Кайгородовой. Ее туда поместили принудительно – в каком-то притоне бесчувственную обнаружили и увезли в наркологию, чтобы не умерла от передозировки. Там она пришла в себя, расплакалась перед главврачом, и он оставил ее на месяц – пройти курс лечения. После выписки Евдокимов взял «шефство» над Кайгородовой: пытался устроить ее на работу, лечил раз за разом, из притонов вытаскивал. Деньги у него, судя по всему, были – Кайгородова «омолаживалась» без направления от участкового врача. В ноябре прошлого года он устал бороться с друзьями Елены и перевез ее к себе. Стали они жить вместе. Он не пьет, она не колет. В начале декабря Евдокимов вернулся домой, а там Елена с друзьями и братом вещишки его пакут. Брат Кайгородовой бросился на хозяина в драку. Пока они по полу катались, один из наркоманов сходил на кухню,

³ «Омолодиться» – пройти лечение от наркотической зависимости с целью снизить ежедневную дозу (жарг.).

взял нож и убил Евдокимова ударом в сердце.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.